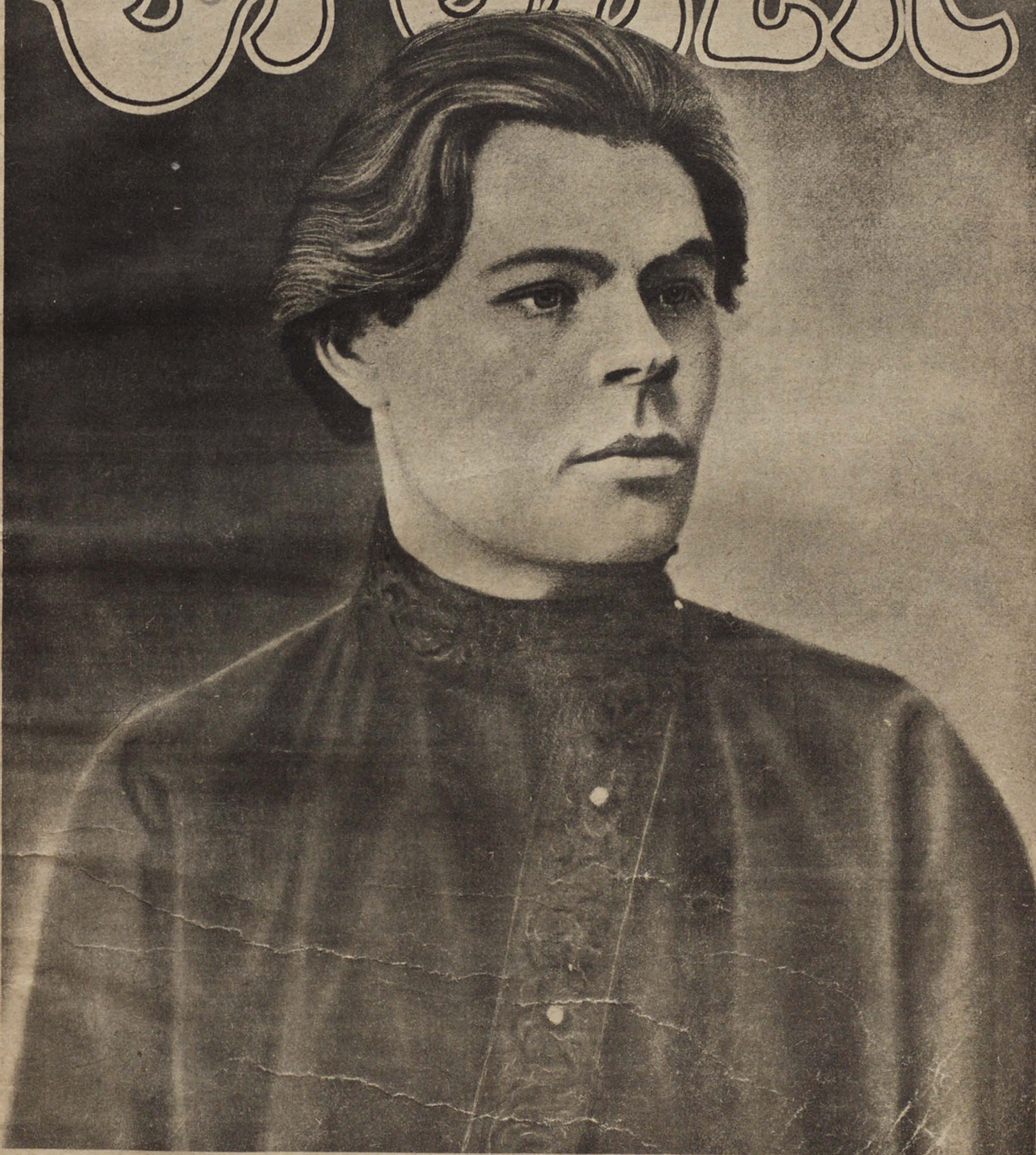

СГОВЕК

XX 146
XK 13

НАШ ДОРОГОЙ ЮБИЛЯР

29-го марта исполнится 60 лет великому пролетарскому писателю Максиму Горькому. Вся советская страна празднует этот радостный день—рождение своего писателя-революционера, воспитавшего своими произведениями не одно поколение борцов-революционеров и идущего с рабочим классом много лет.

На снимке: Алексей Максимович в 1892 году, когда был напечатан его первый рассказ „Макар Чудра“.

Снимок М. Дмитриева, Н. Новгород. 1892 г.

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
им.
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылки № 7.

высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в валяном футляре—21 предмет.
„Б“ 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
„В“ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„Д“ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—3 пр. (высылается не менее 3 шт.)

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишется на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-куррант высылается БЕСПЛАТНО.

КУРЯЩИМ! ГИГИЕНИЧ. „АНТИНИКОТИН“

обезвреживающий куренье до минимума, поблшая вредный яд—никотин—до 92,3% по способу проф. Гейнц-Гернак, что подтверждается анализом госуд. лаборат. Цена курит. приб. из мундшт. полиров. рога с принадлеж. и запасом антиникот. пренар.—2 р. 75 к.

ТРУБКИ „АНТИНИКОТИН“—4 р. 30 к.

Пересылка по почтовому тарифу. Высылается по получению половины стоимости (можно почт. марками).

Заказы и деньги адресовать: Москва, 705, почт. ящ. 684, провизору Я. М. ДРЕЙЗИНУ.

В МОСКВЕ продажа производится: 1) в табачн. отл. ГУМ; 2) в магазине Ленинградского Госуд. Табачного Греста—Кузнецкий Мост, 5.

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА
и ФОТО-РЕПОРТАЖА.

Вышел № 3
(Март)
МНОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХ ФОТО-ИЛЛЮСТРАЦИЙ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ.

Цена номера—50 к.
ТРЕБУЙТЕ
во всех газетных киосках.

№№ 1 и 2 разошлись без остатка.

Подписка принимается только с № 3-го до конца 1923 года (на 10 месяцев)—за 4 руб., с приложением „Фото-Альманаха“—5 р.).

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:
Москва 6, Страстной бульвар 11, Акц. О-ву „ОГОНЕК“.

Ликеры ром коньяк

настоящие
КАЖДЫЙ ПРИГОТОВИТ
бодки РАСТВОРИВ
ТАБЛЕТКИ
Высылается набор на 12 бут. по полуц. переводом 3 р. 60 к. или налож. плат. ОПТОМ СКИДКА
налибки
САМ из русской
В НЕЙ АРОМАТИЧНЫЕ
„Bon goût“
Пох. хм. ладор
U. H. Dargabert
МОСКВА СОЛНЦА 2

ВЫСЛ. ПРОСПЕКТ ЗА 8 КОП. МАРКУ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

словарь литературы, терминов. Составл. при участии: Н. Л. Бродского, В. Я. Брюсова, В. В. Вересаева, Л. Войтоловского, П. С. Когана, М. Фриче и других.

В двух совершенно закончен. томах. Около 600 стр. текста в двух переплетах за 5 руб., с пересыл. высыл. налож. плат. при задатке в один руб. (можно почт. марками)

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
„КНИГОСОЮЗА“.
МОСКВА Центр,
Моховая ул., № 20/0.

ПОЧЕРК

самый плохой можно исправить и научиться красиво писать: 1) по книжке „Исправление почерка“—60 упр., 64 стр. Цена 1 руб.; 2) по НАВОДНЫМ ТЕТРАДЯМ, в которых все прописано печатными слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс, в 3-х тетрадях—1 руб. 50 коп.; 3) каллиг. афишу изучайте по книжке „КАЛЛИГРАФИЯ“—113 упр., 64 стр. Цена 1 р. 20 к. Обе книжки с 3-мя тетрадями высыл. по полуц. 3 р. 50 к. или наложен. платежом 4 р. Одна книжка с тетрадями по полуц. 2 р. 50 к. или с нал. платеж. 2 р. 85 к. Адресов. автору: ЛЕНИНГРАД 23, Кирочная 2. Д. А. Писаревскому.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ Кооперативного Т-ва „ЭЛЭМ“

МОСКВА, Тверская 15.
Порошок для моментального уничтожения волос.
„ДЕПИЛАТОРИЙ W. M. — ЭЛЭМ“
Замедляет рост волос. Цена 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к.
Россеетерский восстановитель 2 р. 75 к. Постепенно возвращает СЕДЫМ волосам их природ. Глянц-Лак для обуви и кожаных изделий 45 коп.
„Ворон“ для чернения кожаных изделий (мурток) 45 копеек.
Высыл. только по получ. половины стоимости почт. марк. Перес. по себестоимости. ПРОДАЖА в АПТЕКАХ, МАГ. САНИТ. и УНИВЕРМАГ.

„ЭЛЭМ“

ЕДИНСТВЕННОЕ РУКОВОДСТВО КРОЙКИ „ДРУГ ПОРТНОГО“

По новой пропорциональной системе отаточного, военного и детского ПЛАТЬЯ на основании 4 глав мерок. Дамского платья, на основании 5 глав. мерок для всякой фигуры и телосложения. Система в сантиметрах и масштабу.
Изд. 1927 г. Д. Левитанус. 122 стр. с 150 черт. альбомн. разм. Ц. 5 р. 60 к., с пересылкой высылает наложенным плат. без задатка.
Книжный Магазин „ТРУД“
Москва-центр, Моховая, 15/7.

ТЕХНИКА ВЫЧИСЛЕНИЙ

Руководство, излагающее все новейшие способы быстрого счета, позволяющие довести затраты времени и труда до минимума: упрощенные, приближенные, графические и механические способы вычисления. 2-е дополнительное издание, с приложен. модели счетной линейки и готовых вычислительных таблиц. Ц. 3 р. 50 к. (нал. плат. 3 р. 90 к.). Ленинград, ул. Кр. Связи, № 5—12. А. Л. Гольдинку.

ПРЕССЫ для производства вафель для мороженого

Все размеры. Каждому прессу прилагается бесплатно руководство из-готовления вафель.
Ленинград, ул. 3-го Июля 55/57.
маг. №12 „Дешевое Хозяйство“.

МЯСНИЦКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

МЯСНИЦКАЯ ул., д. №4 (четыре), у Лубянской пл. Тел. 1-89-93.
ПРИЕМ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:
ДЕТСКИЕ с 8 ч. у. до 8 ч. в.
Внутренние . . . с 8—8
Хирургические . . . с 8—8
Женские и акушерск. с 8—8
Нервные . . . с 8—8
Туберк. легких . с 8—1, 3—8
Бол. сердца . . с 10—2, 4—7
Венерические . . с 8—8
Мочеполовые . . с 8—8
РЕНТГЕНОВСКИЙ КАБИНЕТ: просвет. снимки и пр. с 9—2 и 7—8 ч. в.
ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ. — Воскресный прием 9—4 час.
ПРИЕМ и КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ ЕЖЕДНЕВНО.

Секаровская жидкость

ВЫТЯЖКА
из СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
приготовленная по способу
ПРОФЕССОРА Д. БЮХНЕРА

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ
ВО ВСЕХ
АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ
САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР
ПОЧТОЙ из ГЛАВНОГО ОКЛАДА
УСЫЛАЕТСЯ НЕ МЕНЕЕ
6 флаконов при получении
ЗАДАТКА 25%
ПЕРЕГОВОРКА и УПАКОВКА
ЗА НАШ СЧЕТ
ВРАЧАМ
для
ИСПЫТАНИЯ
ПО ТРЕБОВАНИЮ
ВЫСЛАЕТСЯ
БЕЗПЛАТНО
МОСКВА
ГЕЦЕНА
45
ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
Гален-Москва
ОТД. 110

А. ДЮМА 20 ЛЕТ СПУСТЯ

дальнейшие похождения
ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ
Полный перевод. Стр. 412 с 43 рис. Фред. Моно. Один из самых ослепительных по заманчивости романов А. Дюма.
Цена в роск. сатин. перепл. 3 р. 20 к.
Выс. деньги вперед за пересылку не платят.

Издат. „АКАДЕМИЯ“
МОСКВА 9,
Тверская 26/0.

Величайшее
произвед. мировой литерат.
ДЖ. СВИФТ
ПУТЕШЕСТВИЯ
ГУЛЛИВЕРА

Беспощадный роман-сатира, истинный только в сокращенных переделках, появляется на русском языке впервые полностью, с восстановлением мест, выброшенных царск. цензурой.

700 стр., более 400 иллюстр. знам. худож. Гравила.
Цена в худож. сатин. перепл. с золот. тиснен., в су-пер-обложке и картон. — 3 р. 80 к.
Выс. деньги впер. залерепо. не платят.
Издательство „АКАДЕМИЯ“
МОСКВА 9,
Тверская 26/0.

НОВЫЕ КНИГИ АМНИСТИЯ

и десятой годовщине
Октябрьской революции
с прилож. интрониз., циркуляр., разъянен. и коммент.
проф. А. Трайнина. Ц. 75 к.

В УГОЛОВНОМ СУДЕ

из ЗАПИСОК ЗАЩИТНИКА (1922—1927). И. Брауде. С предисловием зам. предс. Мос. Губсуда Г. Сегала. Содержат: книги: I. Обезображенные жены. II. Преступление прокурора III. Выстрел в темноте. IV. Убийство или самоубийство. V. Убийство Марии. VI. Убийство Яковлева. VII. Дело двух студентов. VIII. Убийца ли отец. IX. Деревенская жуть. X. Загадочный случай. XI. Расстреляйте меня.
Цена 1 р. 75 к.
Иногородн. высылается налож. плат.
Кооперативное Издательство
„ПРАВО и ЖИЗНЬ“
Москва 34, ул. Кропоткина, 17/1.

ГОРЬКИЙ

Очерк П. С. Когана.

I

О Горьком пишут и будут писать целые диссертации. Его творческая личность многогранна и так сложна, что кажется исполненной противоречий. С первого взгляда, вся литературная деятельность Горького — как будто хаотическое смешение стилей, сталкивающихся между собой мировоззрений и мироощущений. Глубокая пропасть отделяет романтику и идеалистические порывы, которыми пронизаны его первые рассказы, от какого-то своеобразного описательного реализма, почти научного подхода к явлениям действительности, с которыми мы сталкиваемся в таких произведениях, как „Дело Артамоновых“, „Мои университеты“ или „Жизнь Клима Самгина“.

Или — что осталось от бывшего ницшеанского индивидуализма Горького? Помню горячие споры, беспорядочные, но страстные студенческие споры времен „Песни о Соколе“. И тогда уже раздавались недоуменные вопросы: за что билась в бескрайнем небе храбрая птица, кто был ее противником, какие цели преследовала она? Тогдашние властители дум, столпы публицистической критики, Михайловский и Протопопов, требовали от Сокола чуть ли не политической программы. Ведь это „счастье битвы“, эта жажда борьбы ради борьбы, порыв мятежного индивидуалиста, порыв общественно-бесцельный и бесплодный — не могли стать руководящим принципом для молодежи, воспитанной на общественных традициях русской литературы. Ведь в это время и Бальмонт, и Соллогуб, и тогдашний Брюсов писали на тему: „Хочу быть дерзким, хочу быть смелым“. Ведь в это время уже стала известной и увлекала своими обаятельными афоризмами книга Ницше — „Так говорил Заратустра“. Не более ли прав был Уж: „Земли творенье, землей живу я“, — не вернее ли именно этот афоризм определял пути будущего? И почему волны пели свои славословия: „безумству храбрых“, когда жизнь требовала мужества разумного, организованного, планомерно направленного?

Все эти вопросы вставали тридцать лет тому назад. Но уже тогда чувствовалось, что есть что-то, что отделяет „дерзость“ Горького от „дерзости“ Бальмонта и других. В поэзии этих — признаки умирания, в дерзости Горького — начало новой жизни. В то время как индивидуалистические призывы символистов и декадентов, органически связанных с буржуазной средой, с каждым годом все более превращались в банальную риторiku, мятежная энергия Горького все более утрачивала свой беспорядочный характер, входила в берега, становилась движущей силой организованной системы действия. Индивидуалист-ницшеанец превращался в социалиста, а поэт-романтик — в исследователя жизни, вдумчивого, тщательно изучающего свой материал.

II

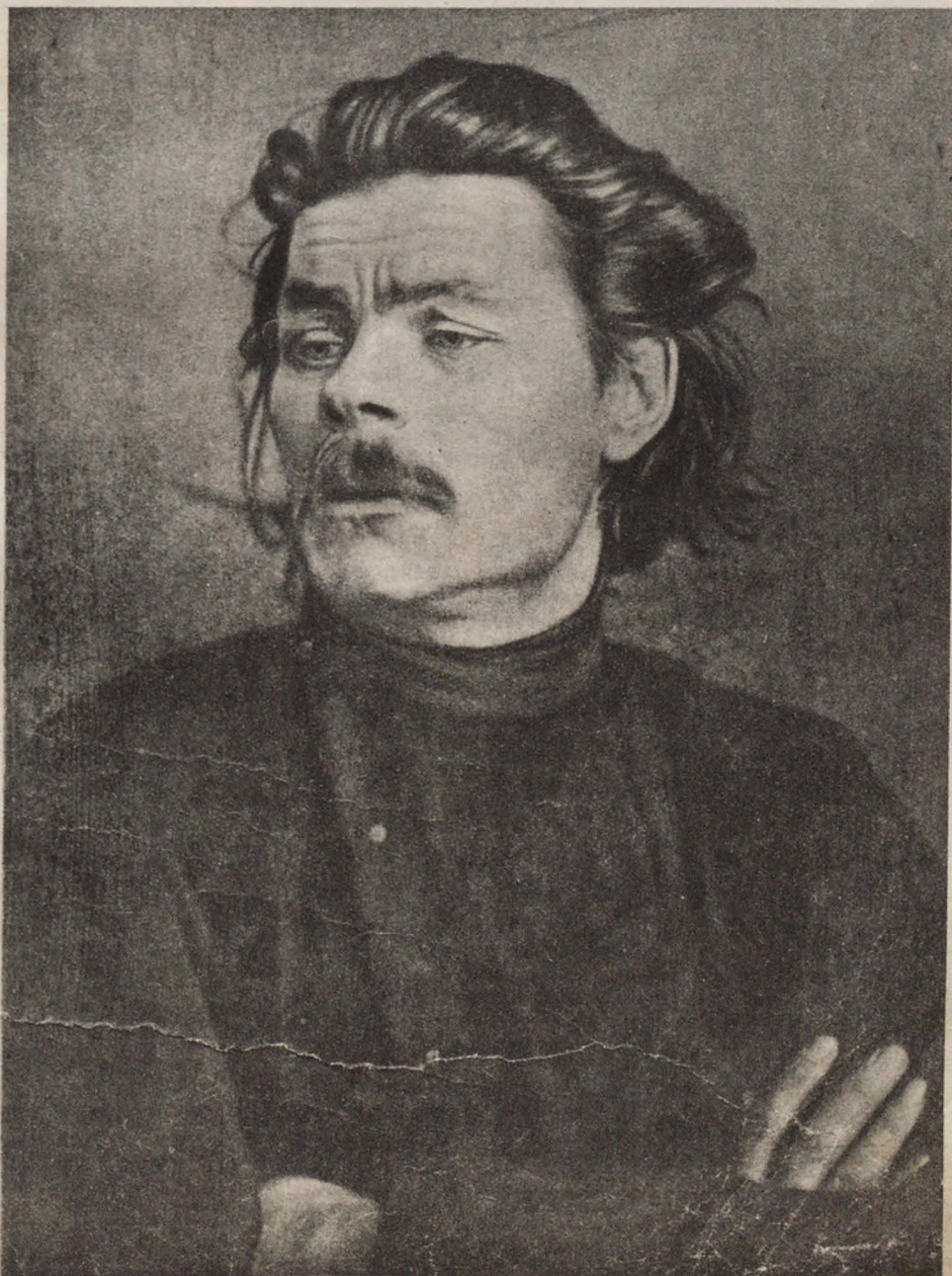
К коммунизму каждый приходит своими путями. Горький шел к нему от поруганной человеческой личности. Революция не есть только перестройка экономических отношений политической системы. Довершение революции есть преобразование человеческой личности, внутреннего мира человека. Среди многочисленных фронтов, на которых борется революция, этот фронт является по преимуществу фронтом художника. Среди

все возможных форм гнета, которыми отмечена эпоха господства буржуазии, Горький мучительнее всего ощущал подавленную человеческую личность, связанные крылья человеческого вдохновения, убитое творчество, тяжелые гири, мешающие полету, влекущие к земле. Когда перечитываешь теперь его изумительные произведения в порядке их появления, все яснее становится путь, которым пришел знаменитый писатель от индивидуализма к рабочему классу и к социализму. Изображая в „Фоме Гордееве“ рабочую маевку, он чувствует влечение к рабочим, потому что среди них „так хорошо, свободно дышется одинокому, отравленному жизнью человеку“. Он приходит к пролетариату почти от своего эстетического запроса, от своей жажды творчества и простора. Первым толчком на его социалистическом пути был не анализ социальных отношений, а художественный инстинкт. Он обратился сюда не потому,

что знал, согласно учению Маркса, что индивидуально-предпринимательский анархический метод производства должен смениться организованным коллективным, что капиталист стоит препоной на пути к этой неизбежной революции, а пролетариат — тот класс, который ее совершит.

III

Быть может, неотразимое действие его творчества объясняется, прежде всего, именно его способностью подходить ко всем явлениям от непосредственного запроса своей души. Горький всегда говорит только о непосредственно пережитом, он никогда не начинает с суждения, он не знает дедуктивного метода. В этом я убедился, когда мне пришлось летом прошлого года быть в Сорренто и беседовать с ним по разным вопросам. На первый взгляд его манера кажется странной, какой-то непривычной

Малоизвестный портрет Алексея Максимовича.

для интеллигентского сознания. На вопросы, требующие широких обобщающих суждений, Горький чаще всего отвечает указанием на малозаметные факты. Спросите мнение Горького о советской власти, как сделал я. Вместо ответа, он рассказал мне о какой-то школе его имени, находящейся где-то, если не ошибаюсь, под Харьковом. Ребята знают хорошо того, чьим именем названа их школа. Они пишут ему письма. „Вот смотрите,—сказал он,—несколько лет тому назад я получил письмо от ученика этой школы, и вот получаю теперь письма от школьников того же возраста. Какая разница! Как они выросли, как быстро идет вперед их развитие. Подросток наших дней уже совсем не то, что подросток недавнего прошлого“. Вот все, что ответил мне Горький на мой вопрос о советской власти. Для него революция прежде всего этот школьник или этот крестьянин, с которым его случайно свела судьба, рабочий, интеллигент, те миллионы людей, думающих свои думы, страдающих, борющихся, те живые люди, радостями и муками которых измеряет великий художник значение и ценность величайших исторических событий. От Горького никогда не услышишь слов на возвышенные темы. Я спросил его мнение о нашей литературе, я ждал слов о Маяковском, о Гладкове, о спорах между напостовцами и попутчиками, о происшедшей в то время дискуссии по поводу пролетарской литературы и пр. Вместо ответа, Горький стал говорить о книге Арсеньева, описывающей уссурийские степи. Он восхищался этой книгой и постепенно стал развешивать все бесконечное богатство тем и сюжетов, которые могла бы использовать наша литература. Все боевые вопросы литературы, все стоящие на очереди проблемы, литературные дискуссии и модные писатели,—все это постепенно получало новое освещение. Сами собою отпадали ненужные наслоения, которые всегда отлагаются в горячих спорах, тускло все персональное, и ярко вырисовывались реальные задачи, стоящие перед нашей литературой.

Эта своеобразная манера Горького делает все его суждения убедительными, насыщенными богатым фактическим опытом, добытым содержанием. Горький читает много, следит за всей научной литературой, не говоря уже о литературе художественной. Он упоминает массу новейших работ по естествознанию и технике, а из писателей читает даже таких, имена которых не всегда известны критику-профессионалу, и таких, произведения которых, по безграмотности их авторов, никогда не увидят света и которые, тем не менее, забрасывают Горького этими творениями. Несмотря на это, Горький не производит ни на миг впечатление впечатления книжного человека. Он весь от жизни. То, что не пережито им или не связано с пережитым, кажется, не может органически войти в его сознание, занять определенное место в его мирозерцании и мироощущении. Но Горький пережил так много, прошел такой богатый и разнообразный путь жизни от нищенского существования в захолустных углах России до вершины мировой славы, он видел столько стран и народов, столько разнообразных общественных групп, такую бесконечную пестроту человеческих характеров, что едва ли существует какая-нибудь идея, научная мысль, научное или художественное достижение, которые так или иначе не укладывались бы естественно в этом всеобъемлющем уме, не дополняли бы его кругозора.

IV

Его последние произведения, в особенности „Жизнь Клима Самгина“, вызвали много разговоров. Не все удовлетворены этим произведением. Иным читателям оно кажется нестройным композиционно-растянутым, перегруженным деталями. А между тем, это—итоги наблюдений, итоги полувекового опыта одного из величайших умов нашей современности. Это—самое тенденциозное произведение, в лучшем смысле этого слова, тенденциозное, если под тенденциозным разуметь автора, который пишет не повествование о жизни, но зовет чита-

теля вместе с собою думать о самых значительных вопросах жизни. Горький давно уже не пишет для развлечения. Он всегда зовет и учит, в каждом его слове скрыта практическая цель, стремление направить человеческую волю в ту или в другую сторону. Он давно уже перерос литературу рассказов и романов, как их было принято понимать еще в недалеком прошлом. Когда он читал мне письма своих бесчисленных корреспондентов, письма от людей разнообразнейших национальностей, всевозможных ступеней общественной лестницы, всевозможных уровней развития, начиная от знаменитостей ума и таланта, кончая полуграмотным крестьянином глухой деревни, и когда потом говорил о своих ответных письмах, то я терял границы, отделяющие эту эпистолярную литературу от „Моих университетов“ и „Клима Самгина“. Эти произведения, кажется, являются только продолжением напряженной учительской работы Горького. В этом жанре он имеет предшественников. Ведь такова была в последние годы деятельность Толстого, Короленко, Успенского и других людей чуткой совести и вдумчивой мысли. Рамки, установленные в теориях словесности, раздвигались, поэмы, романы и повести превращались в трактаты по экономике, морали, психологии и т. п., Фернэ и Ясная Поляна становились тогда не литературными центрами, а центрами великих идейных движений. И villa Sorito в Сорренто становится в настоящее время таким же притягательным центром для ищущих правды, для тех, кто не может успокоиться и примириться с основами, на которых еще держится современная буржуазная культура, и великий русский писатель, который от любви к живому человеку пришел к Октябрю, становится совестью эксплуатируемого человечества. Его юбилей превращается не только в грандиозную всенародную демонстрацию у нас в Советском Союзе, но в значительной степени является демонстрацией революционного пролетариата во всем мире.

П. С. Коган.

ЗА БУНТ ПРОТИВ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Нижегородец по рождению и по жительству, ремесленный цеховой (красильного цеха) по происхождению, А. М. Пешков—М. Горький впервые приобщился к революционному подполью в 1887—88 г. в Казани через народovolьческий кружок Кудрявцева (при булочной Деренкова) и социал-демократический кружок Федосеева. Кружок Кудрявцева был ликвидирован жандармами, при чем М. Горький привлекался к ответственности, но, как гласит жандармская справка, за недостатком свидетельских улик дело о нем было прекращено. Этот период жизни М. Горький отчасти описал в „Моих университетах“.

В первый раз Горький был арестован 27 (14) октября 1889 г. в Н.-Новгороде

теля А. Чекина и ссыльного студента С. Сомова, прибывших из Казани. Эти лица были связаны с народovolьческой пропагандой, к которой М. Горький относился, однако, отрицательно, сочувствуя социал-демократическим идеям. После двухдневного заключения в нижегородской тюрьме, он был освобожден, с оставлением под негласным надзором полиции.

В 1891—92 г. М. Горький странствовал пешком по югу России, главным образом, по Кавказу, работая в разных городах и местечках. В 1892 г., будучи в Майкопе, он попал в руки полиции по делу о казачьем „чумном бунте“ и также был там арестован. Это был вторичный арест Горького. Представление о южных скитаниях дает рассказ „Мой спутник“. К этому времени относится его знакомство с народovolьцем А. М. Калужным¹ и напечатание в газете „Кавказ“ первого рассказа „Макар Чудра“.

Третий арест М. Горького связан с делом о социал-демократической пропаганде среди тифлиских железнодорожных рабочих в 1892 г., когда он жил в Тифлисе и работал счетоводом в главных мастерских Закавказ-

ской железной дороги. Жандармы узнали об этой пропаганде только через 5 лет,

Горький в 1901—1902 гг. Архив „Огонька“.

в связи с арестом в 1897 г. тифлиского рабочего Афанасьева, имевшего фотографическую карточку М. Горького с его личной подписью. Это дало повод привлечь к делу и М. Горького, который в это время уже работал в Нижегородском „Летке“ в качестве фельетониста. Здесь он 19 (6) мая 1898 г. был арестован и в сопровождении жандарма переслан в Тифлис, в распоряжение начальника жандармского управления, и там был заключен в Метехский замок. На этот раз Горький был освобожден только через три недели—31 мая ст. ст. 1898 г. Летом того же года он был уже в Н.-Новгороде.

В 1900 г. М. Горький горячо выступал с протестами против „студенческой солдатчины“, и особенно после избития студенческой демонстрации 17 (4) марта 1901 г. в Петербурге (демонстрация—протест против студенческой солдатчины и университетского режима). В этом же году в Н.-Новгороде он активно вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих и учащейся молодежи. В этот период он лично доставлял для Нижегородского комитета РС-ДРП сначала mimeograph, а потом нелегальную типографию, в которой печатались „искровские“ прокламации ЦК РС-ДРП для всей России, и в

Дом в Нижнем на Канатной ул., в котором жил Алексей Максимович и где он был арестован в 1901 г. „за бунт против верховной власти“. Архив „Огонька“.

(на Жуковской ул., в д. бывш. Лик) по делу живших вместе с ним поднадзорных учи-

частности для сормовских рабочих. Одновременно он выступал с резкими речами против политики самодержавия на собраниях и банкетах. Помогал М. Горький с.д. партии книгами и деньгами.

В четвертый раз Алексей Максимович был арестован в Н.-Новгороде 29 (16) апреля 1901 г. (жил на Канатной ул., в д. Лемке) вместе с писателем С. Г. Петровым - Скитальцем и заключен в одиночную камеру нижегородской тюрьмы, где его продержали до 30 (17) мая. Биографичен для этого случая рассказ Горького „Тюрьма“. Следственная власть ему ставила в обвинение „бунт против верховной власти“, по 250 ст. Уложения о наказаниях. После месячного тюремного заключения М. Горький был по настоянию врачей освобожден под надзор полиции и с высылкой из пределов Н.-Новгорода, как опасный агитатор, особенно для сормовского и канавинского рабочих районов. Последнее в жандармском постановлении было подчеркнуто. 20 (7) ноября 1901 года нижегородцы провожали Горького открытой уличной демонстрацией при отъезде в Ялту. Пели революционные песни и разбрасывали прокламации.

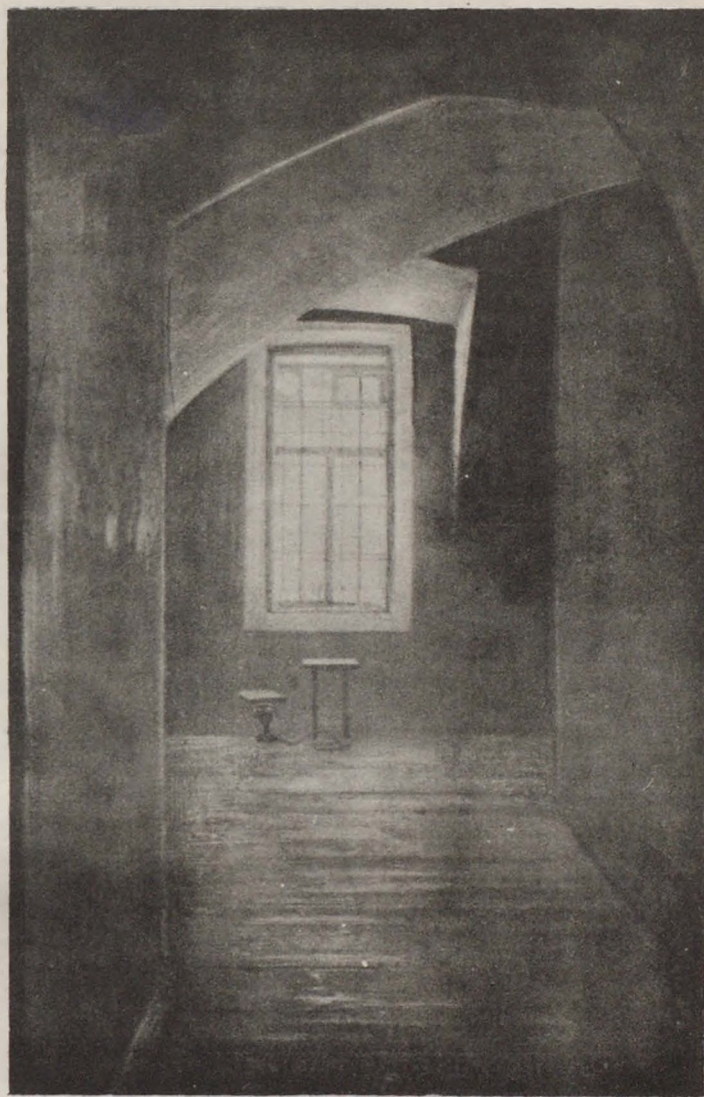
По возвращении с юга в 1902 г. он был выслан на жительство в Арзамасский уезд под надзор полиции (см. „Воспоминания“), а потом в конце года снова вернулся в Н.-Новгород, где у него часто бывали писатели Л. Андреев, Е. Чириков, Скиталец и др.

Последний, пятый арест М. Горького имеет прямую связь с историческим вы-

ступлением петербургских рабочих 22 (9) января 1905 г. Узнав о готовящейся самодержавием кровавой встрече рабочих, группа писателей - делегатов, в том числе и М. Горький, ночью, накануне 9 января, отправилась к министру Святополк-Мирскому и графу Витте для объяснения мирного значения рабочей демонстрации, но из этого ничего не вышло. На утро „кровавое воскресенье“ стало фактом. М. Горький, наблюдавший картину шествия и стрельбы рабочих, составил „Отчет о 8 и 9 января“ для распространения его среди рабочих. Однако, отчет не появился в свет: ночью 23 (10) января он был взят при обыске и аресте у присяжного поверенного Кедрина. Этот отчет послужил Горькому канвой для очерка „9-е января“, в котором потрясающе правдиво описана картина избияния рабочих, их жен и детей.

Писательская делегация, в том числе и М. Горький, вскоре была арестована. Горького посадили в Петропавловскую крепость и освободили только в марте месяце под залог в 10.000 р. (ко-

мменно, был бы арестован снова и, вероятно, надолго, так как правительство позднее узнало, что, кроме участия в издании революционных газет „Новая Жизнь“ и „Борьба“, он осенью 1905 г. активно содействовал подготовке московского воору-

Камера, в которой в 1901 году сидел Максим Горький. Архив „Огонька“.

Нижегородская тюрьма, в которой сидел Горький в 1901 году. Окно камеры Алексея Максимовича отмечено крестом, над одиночкой Ал. М. была камера (XX), где сидел писатель Скиталец. Архив „Огонька“.

торые внес Савва Морозов). По этому делу Горькому предстоял суд при закрытых дверях и без участия сословных представителей“. Он обвинялся „в распространении воззвания, возбуждающего к несправедливости государственного строя“, а также в участии в революционном комитете. Во время заключения в Петропавловке, Горький написал драму „Дети Солнца“. Освободили его и дело прекратили под напором массовых протестов со стороны рабочих, ученых и интеллигенции России и заграницы. Эти протесты против преследования Горького посылались к царю, к министру внутренних дел и многие из них проходили в печать. После освобождения Горький был выслан

из пределов Петербурга. Если бы М. Горький не успел в январе 1906 г. выехать за границу, он, несомненно, был бы арестован снова и, вероятно, надолго, так как правительство позднее узнало, что, кроме участия в издании революционных газет „Новая Жизнь“ и „Борьба“, он осенью 1905 г. активно содействовал подготовке московского воору-

женного восстания. По жандармским данным, для этой цели Горький устраивал платные чтения (своих пьес и проч.), различные выступления и давал на это личные средства. А главное — достал через фабриканта Н. П. Шмидта 20.000 руб. на закупку оружия для рабочих и вообще на подготовку московского декабрьского восстания 1905 г. Арестованный Шмидт на допросе 30 (17) января в этом сознался. Его мебельная фабрика в Москве, на Пресне, в дни восстания была войсками сожжена.

Из-за границы М. Горький вернулся через семь лет (осенью 1913 г.) по амнистии и вскоре же был привлечен судебными властями к ответственности за написание и распространение знаменитого романа „Мать“, в котором описывается подпольно-революционная работа сормовских рабочих, нижегородской партийной интеллигенции и известная сормовская демонстрация 1902 г. Между прочим, „Мать“ была написана в Америке и расходилась за границей в миллионах экземпляров. В Россию она дошла в „урезанном“ виде. Герой романа — Петр Заломов („Павел Власов“) — личный знакомый М. Горького, получивший тогда по суду за демонстрацию „вечное поселение в Сибири, теперь живет в Москве. Суд над Горьким за „Мать“ был отменен в силу новой волны массовых протестов рабочих против преследования Горького и массовых приветствий его по случаю возвращения в Россию.

Ал. Белозеров.

ПЕВЕЦ БУРЕВЕСТНИКА

Творец высокой песни о буреветнике свободно и гордо пел миру свою правду — правду революционера.

Миллионы людей знают „Песню о буреветнике“, миллионы людей повторяли ее прекрасные могучие слова. Но была другая песня у Горького, такая же высокая, такая же гордая песня революционера-марксиста, которую помнят немногие и совсем не знают наши массы.

Ныне, перед юбилеем великого нашего писателя, уместно рассказать, как сложилась эта вторая песня у Горького, как бросил он миру зажженные классовою ненавистью могучие и глубоко пророческие слова, как плонул Максим Горький в лицо буржуазной Франции.

Как известно, после январьских событий 1905 года Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

В обвинительном акте значилось: „Нижегородский цеховой, Алексей Максимович Пешков, 35 лет, 9 января 1905 г. в С.-Петербурге составил с целью распространения воззвание, возбуждавшее к ниспровержению существующего государственного и общественного строя“.

Суд над писателем должен был происходить при закрытых дверях и без участия сословных представителей. Его защитник — присяжный поверенный Грузенберг — ссылаясь на то, что Горький 9-го января писал своей набросок только под условием подписания его полным именем: „Писатель, действовавший столь открыто, вправе рассчитывать, что суд над ним не будет закрытым“.

Протестовала общественность. Представления Горьковских пьес походили на манифестации и покрывались криками „да здравствует Горький“.

За границей арест Горького встретил большое возмущение. Манифестации происходили во множестве городов мира. Особенно активно выражала свое возмущение Франция. Многие полосы французских газет посвящались Горькому. Под сочувственным адресом Горькому были подписаны все крупнейшие имена Франции.

Иностранные писатели прислали министру внутренних дел петицию, в которой, между прочим, писали:

„Весть об аресте писателя Максима Горького вызвала глубокое участие к нему в образованных людях всех стран, где знают творения Горького. В каком преступлении обвиняется несчастный писатель, нам пока неизвестно, — зато известно, что его проникнутые глубоким чувством и выливающиеся в высокохудожественную форму творения распространили по всему миру уважение к духу народной поэзии и что все его сочинения дышали страстной любовью к родине. Этого не могли не заметить даже иностранцы. Если, что весьма неправдоподобно, человек, создавший столько прекрасных и долговечных произведений, погрешил против законов своей страны, он, без сомнения, сделал это под влиянием благородного порыва, но никак не из низменных и тем менее преступных побуждений. В этом убеждении много тысяч голосов, среди которых есть голоса наиболее выдающихся людей различных стран, сливаются в одном крике: „Свободу Максиму Горькому!“ Верните его труду, родине, целому миру. За него просит вас человечество“...

Сочувствие западно-европейской общественности Максиму Горькому, безусловно распространяющееся и на революционное

движение, совершенно понятно, если припомнить, что революция 1905 года в своем начале была борьбой русской буржуазии с царизмом.

...Горький был освобожден на поруки. Революция 1905 года разворачивалась. Для подавления революционного движения нужны были деньги, и правительство рыскало по Европе в поисках золота.

Все оттенки и течения русской революционной общественности соединили свои голоса в один крик, обращенный к Западу: „Не давайте денег русскому правительству!“

Горький выехал из России. Главнейшей задачей поездки была агитация против займа. Может быть, Горький считал, что общественность Франции не допустит займа, или по другим причинам он свою работу сосредоточил в других странах.

Алексей Максимович.

Царская охранка приняла все меры, чтобы парализовать деятельность Горького. Об этом вспоминает бывший охранник Николаев в заграничной печати.

Пытались помешать Горькому въехать в Америку, пользуясь законом Соед. Штатов, воспрещающим въезд анархистов в эту страну. Это не удалось. Горького в Америке встретили восторженно. Тогда охранка, учтя мизантропически-мещанские нравы американцев, выдумала другое. Из уст в уста передавалось, что жена Максима Горького, приехавшая с ним — незаконная жена. Буржуазный Нью-Йорк стал неистовствовать, возмущаясь „безнравственностью“ писателя.

Горький принужден был поселиться в частной квартире, потому что один за другим хозяева отелей отказывали ему в номере.

Но иначе относилась к нему другая часть Америки. Горький проводит с большим успехом сбор в пользу русского революционного движения на большом митинге в Нью-Йорке. За этим митингом последовали другие...

И вот в это-то время пришло известие, что Франция утвердила заем русскому правительству. Тогда Горький написал свои три обращения, три клика, которые глубоко выражали непримиримую ненависть его к буржуазному строю общества.

Вчитайтесь в эти строки, и, может быть, вы в этих политических письмах как никогда ярко разглядите лицо Максима Горького — лицо революционера и человека.

Так писал он, обращаясь к Франции: „Франция. Жадность к золоту опозорила тебя, связь с банкирами развратила честную душу твою, залила грязью и пошлостью мою се.“

И вот ты, мать Свободы, ты, Жанна д'Арк, дала силу животным для того, чтобы они еще раз попытались раздавить людей.

Великая Франция, когда-то бывшая культурным вождем мира, понижаешь ли ты всю инсусность своего деяния?

Твоя продажная рука на время закрыла путь к свободе и культуре целой страны. Если даже это время будет только одним днем — твое преступление не станет от этого меньше. Но ты остановила движение к свободе не на один день. Твоим золотом — прольется снова кровь русского народа.

Пусть же эта кровь окрасит в красный цвет вечного стыда истасканные щеки твоего животного лица.

Возлюбленная моя! Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои“.

В ответ Горькому французская общественность, бия себя в грудь, разбушевала в „благородном негодовании“. Одна за другой газеты различных общественных течений, даже тех, которые ранее превозносили Горького, развенчивали его, как писателя.

Какой-то журналист даже припомнил, как он (журналист) „и многие другие платили по 50 франков за кресло, чтобы послушать драму Горького“, и упрекал его в неблагодарности.

И даже автор „Истории Великой французской революции“ — Олар — припомнил и упрекнул Горького, что „когда он был посажен в тюрьму, образованная французская публика была страшно взволнована, манифестировала и достигла того, что царь его выпустил на свободу“. Горьковское обращение к Франции Олар оценил, как „плевок больного и опьяненного чернилами“.

Все же Олар, спрашивая, „что случилось бы с Францией, если бы в июне 1789 года Англия или Австрия одолжили деньги Людовику XVI“, признавал некоторые основания для протеста Горького, но считал, что Франция не ответственна за действия своего правительства.

Что же касается правительства, то, по мнению Олара, оно заключило заем против воли, потому что полагало, что это сила необходимого, что оно не могло поступить иначе“.

М. Горький снова опубликовал второе письмо:

„Гл. журналистам Франции. Милостивые государи!“

Я познакомился с гейзерами красноречия, которые вызвала из ваших чернильных мой статья о займе, данном правительством и финансистами Франции Николаю Романову на устройство в России кровавых экзекуций (военно-полевых судов и всевозможных

Банкет в честь Максима Горького, устроенный бостонской общественностью в 1906 году.

зверства), я познакомился с вашими возражениями мне и—не поздравляю вас.

Союз с так называемым русским правительством идет вам в пользу — вы стали обращаться с логикой, правдой и благородным французским языком, точно казаки с женщинами. Насилие, как видите, еще и потому гнусно, что оно развращает даже посторонних и равнодушных зрителей его, как это случилось с вами.

Я никогда не отвечаю на личные выкладки против меня, и чем они грубее, тем скорее забываешь их, но, господа, вы обвиняете меня в неблагодарности, и я должен объясниться.

Вы говорите: мы стали на защиту Горького, когда он сидел в тюрьме, а он...

Позволю себе дать вам добрый совет: если однажды, по неосторожности или по иной какой причине, вы дали свободу своим человеческим чувствам, — не хвастайтесь этим. Нехорошо.

„Я был добр к тебе—ты за это должен заплатить мне благодарностью“,—вот что звучит в ваших словах. Но я не чувствую благодарности, и доброту вашу считаю недоразумением.

Я не мученик и не страдалец, каким вы меня усердно изображали, я просто человек, который уверенно делает свое небольшое дело, находит в работе полное удовлетворение, а если меня за это иногда и ненадолго сажали в тюрьму, я там отдыхал от естественной усталости, не ощущая особенных неудобств, не говоря уже о страданиях.

С точки зрения здравого смысла, вам, господа, следует желать, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, меня такое ваше поведение, извините, смешит.

Ибо мы — враги, и непримиримые, я уверен.

Затем вы говорите еще: мы любим Горького, а он...

Господа. Искренне говорю вам—честному писателю и социалисту глубоко оскорбительна любовь буржуа.

Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения.

Историку Олару же Максим Горький ответил особо.

„В туче злых слов и бессильного раздражения, брызгов грязи и пошлой болтовни, которыми ответила французская пресса на мою статью о позорном поступке финансовой и правительственной Франции, я с удивлением и печалью встретил ваше почтенное имя, профессор.

Вашу книгу о днях эпической борьбы французского народа с насильем читает русский пролетариат, по ней он учится умирать за свободу, необходимую ему, как воздух. Мое уважение к вам, историку, глубоко, и, уважая вас, я не могу оставить вашу статью по поводу „прекрасной Франции“ без ответа, ибо мне всегда важно не то, как люди относятся ко мне, а то, как я отношусь к ним.

Вы, очевидно, не прочитали всю мою статью, но все же вы отчасти признаете, что я имел солидный мотив негодовать.

Нужно вполне признать это, уважаемый профессор.

Дело не только в том, что, как говорите вы, „без денег Франции царь не мог бы разогнать Думу“,—нет, дело в том, что без этих проклятых денег не было бы пролитой крови русского народа так много и так зверски. И хотите вы того или нет, но кровь легла позорным пятном на лицо французского буржуа и правительства, разрешившего Иудин заём.

Не французской прессе стереть это пятно. Она сама недостаточно чиста для этого.

Вы ошибаетесь, видимо, полагая, что я бросил мой упрек в лицо всей Франции.

Зачем считать меня наивным? Я знаю, что народ никогда не ответствен за политику командующих классов и правительства—послушного лакея их. Я, в частности, знаю французский народ, знаю, как он сеял в Европе свободу, знаю, что он сознательно не пойдет против нее. Но, как всегда, народ обманывают и позорят руководители его жизни, кто бы они ни были—немцы, англичане, французы, короли, банкиры, журналисты.

Я плюнул в лицо Франции банков и финансистов, Франции полицейского участка и министерства, я плюнул в лицо той Франции, которая плевала на Э. Золя, той, которая утопила в страхе перед королем Пруссии и жрецом всяческой глупости все свои рыцарские чувства и ныне живет только трепетом за свой покой и целост франков.

Но, уважаемый профессор, я думаю, эта Франция не избегнет страха и трепета тем, что дала и, кажется, еще даст шайке грабителей и убийц, или иначе—дружественному ей правительству России, франки, сплавленные из крови народа своего.

Русская революция будет развиваться медленно и долго, но она кончится победой народа. Следуя примеру старой Франции, мы отрубим головы шоре паразитизма, но далее мы постараемся не подражать даже и великой Франции.

Когда власть будет в руках народа, ему напомнят о банкирах Франции, помогавших семейству Романовых бороться против свободы, права и правды, за свою власть, варварскую, анти-культурную роль которой ясно понимают и видят все честные сердца и глаза Европы.

Это ли не песня о бунтующей? Это ли не возмещение Октябрьской бури, сломавшей надежды буржуа?

Аф. Милькин.

КАК В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ РОДИЛСЯ ГОРЬКИЙ

„Пусть знают, как хорошо отнестись к человеку человечески сердечной“.
(Из письма М. Горького к А. М. Калюжному).

37 лет тому назад это было.

Стояла осень 1891 года. Теплая южно-кавказская осень, когда природа нехотя причет свой богатый летний наряд. Темнело. Неторопливо катила свои мутные воды Кура. А поодаль, стремясь вверх, серело в темноте полотно Военно-Грузинской дороги, избегая к своей последней станции—Тифлису.

И к последней станции своего многодневного пути — к Тифлису — торопливо близились двое путников, не спускавшие глаз с вечерних огней города. Они шли рядом — случайные спутники: пустозвон „князь“ и вдумчивый Максимыч¹. И каждый думал о другом.

Подходил к концу их совместный пеший ход, начатый еще в Одессе, где заблудившегося, голодного, бесприютного франтика-князя подобрал добродушный портовый грузчик Максимыч, и теперь вел его домой, в Тифлис, в город, куда юный бродяга шел впервые, не предугадывая даже, что отсюда он понесет свое имя великого писателя.

А в пустой, никчемной башке мечанишки „князя“ зрел план, как избавить его, благородному „аристократу“, от „неприличного“ нахала-босняка, пищей и охраной которого он, однако, так широко пользовался во все время их совместного пути.

И мечанишка грубо обманул доверчивого юношу: надавав ему гору обещаний ответного радушного гостеприимства в отчем доме, он оставил Максимыча одного, в чужом городе, ночью, на улице, юркнув в проходной переулочек...

Поняв, что он обманут, юный бродяга все же смело вошел в незнакомый ему человеческий муравейник.

Он шел и увидел вдруг: собрался народ кучей—какой-то уличный скандал. Кто-то кого-то обижает. Не долго раздумывая, вступается Максимыч за обиженного. Но вмешивается в дело „блуститель порядка“—городовой. В результате всего—обиженного, обиженного и заступников, а в числе их и Максимыча, ведут в полицейский участок.

В „части“ составляется протокол. Когда очередь доходит до Максимыча, дежурный, увидев перед собой плечистого, задронного и не весьма почтительного к начальству босняка, сразу же переходит на соответствующее фамильярное „ты“.

— Кто тебя знает здесь?

Максимыч назвал М. Я. Началова, служившего тогда на Закавказской жел. дороге и хорошо знакомого ему еще по Нижнему Новгороду.

— А-а, значит, ты не стой!—заклучил дежурный надзиратель.

Но так как босьякам все равно верить нельзя, то Максимыча с городовым отправили к Началову на квартиру для удостоверения личности. Там его „личность“ была, конечно, удостоверена. Вернувшись же обратно в „часть“, Максимыч стал уже пользоваться „всеми правами гражданства“, к нему стали обращаться на „вы“ и отпустили с миром на все четыре стороны.

Поселился Максимыч у Началова. Последний стал хло-

потать об устройстве его на службу. Вскоре он в этом и преуспел: Максимыч был зачислен конторщиком в железнодорожные мастерские.

Если служба эта и давала небольшой заработок, то все же последнего вполне хватало на скромную жизнь невзыскательного юноши, и ему уже не приходилось изнурять себя из-за грошей под многопудовой кладью на пристанских сходах.

У Максимыча появился теперь досуг, который он жадно стал заполнять чтением.

Постепенно ширился и новый круг знакомых Максимыча на новом месте его временной оседлости.

Познакомился Максимыч тогда же у Началова как-то с ссыльно-поселенцем А. М. Калюжным.

И ни Максимыч, ни Калюжный не предугадывали, что это случайное знакомство свяжет их глубокой дружбой на всю жизнь.

Попал Калюжный в Тифлис в 1890 г.—как раз за год до прихода туда Максимыча. Был Калюжный сослан в Закавказье после отбытия шестилетней каторги на Кавказских рудниках, как член партии „Народной Воли“. В Тифлисе он работал по статистике в управлении все тех же Закавказских жел. дорог. Калюжному было тогда 39 лет.

В те времена учащаяся и рабочая молодежь часто устраивалась вместе, так называемыми „коммунами“ по 3, 4, 5 человек.

„Коммуны“ эти возникали как в силу стремления к саморазвитию, так и под давлением чисто экономических причин,—сообща дешевле обходилась жизнь.

Максимыч уже и раньше, в Поволжье, жил в таких „коммунах“.

Естественно, что, сдружившись с группой однолеток (Максимычу тогда было 23 года) на новом месте жительства,

Максимыч явился одним из инициаторов образования такой „коммуны“ и в Тифлисе.

И действительно, вскоре в конце того же 91 г.—компания юных „коммунаров“, во главе с Максимычем, состоявшая из одного рабочего-механика, молодого служащего и еще трех-четырех учащихся разных тифлиских средних учебных заведений, сняла большой полуподвал на тихой окраине города, на Красногорской улице, и там поселилась.

Устраивались в „коммуне“ на Красногорской чтения, литературные вечера и собеседования, доклады и просто вечеринки с юношеским пением, чаепитиями и тапками. Но иногда производились там и сборы для политических ссыльно-поселенцев.

Набивалось в „коммунарский“ подвал за вечер народу человек до 50, а иногда и того больше. В общем же, прошло через Красногорскую „коммуну“ за все время ее существования больше 200 человек разных юнцов.

Среди постоянных гостей „коммуны“ были—тогда еще учащимися—и нынешний зам. председателя СНК РСФСР Андрей Лежава, зав. отделом Наробраза Армени Серго Вартанов и др. Часто заходили в оживленный улей „коммуны“ также и сильный писатель В. В. Берви (Флеровский), А. М. Калюжный и др.

Конводал же в Красногорской „коммуне“—Максимыч.

Максимыч и тогда уже был живым и увлекательным, образным и красочным рассказчиком.

Его рассказы любили слушать в „коммуне“. А он охот был их рассказывать—без уговора.

Понятно, что эти талантливые рассказы Максимыча легко делали его столь популярным среди молодежи.

Но вот подошел конец мая. Подходил к концу и учебный год. Большинство гостей „коммуны“ — учащиеся последних выпускных классов — окончило свои учебные заведения. И кто устраивался на службу, кто уезжал к себе на родину, а кто подумывал о продолжении образования, но уже в университетских центрах России.

Настали последние дни „коммуны“ на Красногорской.

Большинство „сокоммунаров“ Максимыча получило возможность устроиться на лучшие квартиры и оставило поэтому своды приютившего их подвала. Постепенно недавно еще шумный улей на Красногорской пустел.

Наступил июнь. Начался разезд тифлисцев по дачам. Тогда-то Калюжный и предложил Максимычу поселиться у себя. Предложение это было Максимычем охотно принято, так как он оставался один, а хорошее, доброжелательное отношение к себе со стороны Калюжного он уже чувствовал раньше, в редкие встречи с ним до этого.

Отдельная комната, предоставленная ему радушным хозяином, отсутствие рассеивающей вечной шумливой толчеи „коммунарских“ гостей, давала Максимычу возможность больше сосредоточиться на себе, делала более продуктивным и чтение его.

Попрежнему жадно набрасывался Максимыч на каждую новую книгу. Таким образом, продолжалось все то же „бессистемное чтение“, за которое его так упрекали и даже распекали многие, искренно желавшие ему добра и „выйти в люди“.

Алексей Максимович с А. М. Калюжным в Тифлисе, в 1908 г.

¹ См. рассказ Горького—„Мой спутник“.

В конце концов, и самому Максимычу стало казаться, что не пора ли ему, в самом деле, засесть за „систематическое чтение“, руководствуясь какой-либо „гимназией на дому“, и пройти полный курс наук — от арифметики Евтушевского вплоть до истории Иловайского...

И может быть, какая-нибудь сердобольная душа и направила бы несложившийся еще талант Максимыча по прокрустову ложу „гимназии на дому“. И что от опыта сего получилось бы — неизвестно. Во всяком случае, на пути этом „убытки“ были бы для таланта Максимыча куда больше „прибытков“...

Это хорошо и отчетливо понимал такой человек, как Александр Мефодиевич Калюжный.

А Калюжный безусловно поверил в талант — в крупный талант — Алексея Максимовича. Последний же поверил в широкий душевный размах Калюжного, чуждого какому бы то ни было доктринерству и книжной узкобости, отзывчивого, чуткого и внимательного.

Изю дня в день коротали оба друга долгие душевные тифлиские летние вечера.

За тихой беседой неслышно подкрадывалась ночь.

И все чаще и чаще начинал Калюжный останавливаться на дальнейших судьбах самого Максимыча. Все чаще стал Калюжный подводить своего юного друга к решению, которое напрашивалось само собою — рассказы свои записывать.

— Пиши все это! — не раз говаривал ему Калюжный, когда Максимыч замечивал свою живую красочную повесть.

Но „писать все это“ Максимыч не отваживался.

В свои писательские силы Максимыч еще не верил сам.

Но охотно возвращался Максимыч к своим опытам стихотворной работы.

Так, однажды было им написано стихотворение в духе Леонарди (итальянского поэта-патриота). На тему — о национальной революции.

Насколько Алексей Максимович был тогда уже мастером стихосложения, хорошо иллюстрирует как раз случай с этим стихотворением.

Калюжный был в хороших отношениях с сыном-поселенцем Н. М. Флеровым, работавшим корректором в местной газете „Кавказ“. Нередко Калюжный помогал Флерову быстрее закончить работу, чтобы затем вместе с ним провести остаток вечера.

Когда Калюжный, восхищенный упомянутыми стихами Максимыча, показал написанное Флерову, тот со скепсисом матерого провинциального газетчика насмешливо отрезал:

— Да он просто сдул эти стихи!..

Но Александр Мефодиевич его пристыдил:

— Не понимаете, с кем дело имеете...

Рассердился. И ушел.

Проходил месяц за месяцем. Близился конец лета.

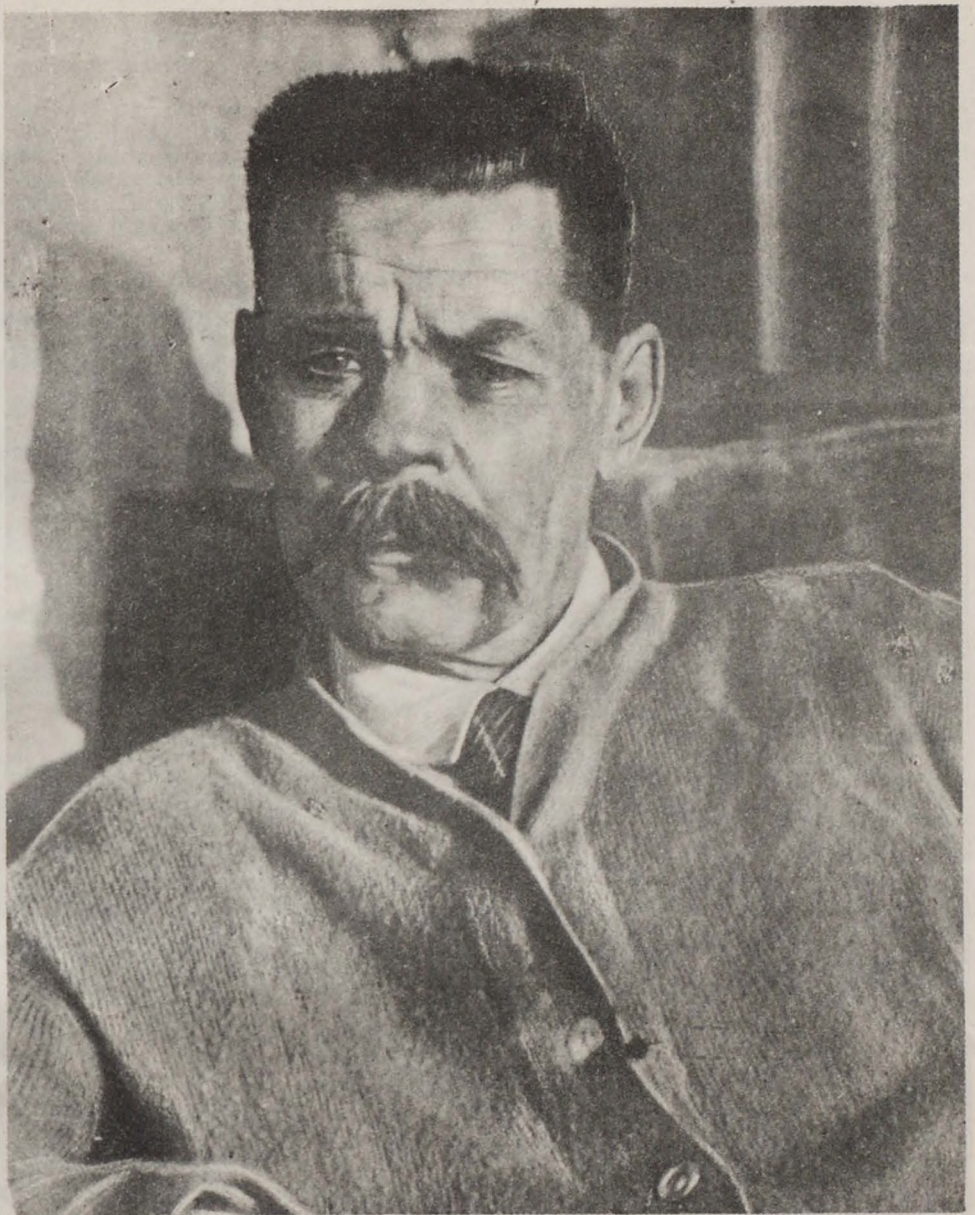
Как-то однажды рассказал Максимыч Александру Мефодиевичу горячую повесть свою про Лойко и Радду.

Умолк Максимыч, закончив свой сказ. Захваченный услышанным, Калюжный на этот раз серьезно и настойчиво уговаривал Максимыча непременно засесть и обязательно записать эту свою яркую повесть.

Видно, почва была вспахана. Вера Калюжного в талант Максимыча и его бескорыстная любовь к нему заразили. Максимыч послушался: преодолев все свои колебания и сомнения, он усадил себя — впервые в жизни — за новую работу, за работу писателя...

Максимыч сидел и писал свой первый рассказ...

— Алексей Максимович жил у меня своей отдельной комнатой. И когда начиналось его творчество, я ему не мешал... — Так вспо-

Максим Горький в Берлине в 1922 г.

минает теперь старый Калюжный дни творческого горения некогда юного Максимыча за его первым рассказом.

Наконец „Макар Чудра“ был написан... Вставал следующий вопрос: куда поместить написанное?

Тогда выходили в Тифлисе на русском языке только следующие печатные издания, куда можно было бы снести написанный рассказ: это были газеты — „Кавказ“, „Новое Обозрение“, „Тифлисский Листок“ (частное издание, листок объявлений).

Попасть на страницы „большой газеты“ совершенно безызвестному автору, да еще с большой литературной вещью — было дело вовсе не легким. Необходима была солидная протекция. И протекцию эту оказал Максимычу фельетонист „Кавказа“ В. Д. Цветницкий, педагог по профессии, с которым был дружен Калюжный.

Цветницкий заполнял своими чистенькими, гуманитарными фельетонами подвалы газеты. С ним — бойким журналистом и широко образованным человеком — весьма считались в редакции официоза.

Прочитав принесенный Калюжным рассказ безызвестного „Максима Горького“, Цветницкий своим чутьем также сразу почувствовал талант автора, заочно расположился к нему и обещал непременно поместить рассказ в „Кавказе“.

И действительно, прошло немного времени, рассказ прошел цензуру официоза и появился в печати: в № 242 газеты „Кавказ“ от 12 сентября 1892 года.

Когда после выхода номера „Кавказа“ с рассказом Горького Цветницкий встретился с ним на улице, он порывисто бро-

сился к нему навстречу, взволнованный, обнял его и, радостный, расцеловал...

Такая удача сразу же убедила Максимыча в том, насколько прав был, действительно, Александр Мефодиевич, что так настойчиво и упорно убеждал его все время идти своим собственным, самостоятельным, самобытным путем.

Так в Тифлисе случайно забредший сюда бродяга-Максимыч увидел себя здесь впервые писателем Максимом Горьким.

Первый раз в своей жизни печатался здесь будущий писатель.

Случай привел Горького на его бродяжьих путях в Тифлис.

Но совершенно не случайно началось там писательство Горького.

Оглядываясь ныне назад, на прошлое, на то, что было почти уже четыре десятка лет тому назад, — кажется нам, что не будь в жизни Горького Тифлиса и встречи его там с Калюжным — может быть, мы бы и не имели никогда того самобытного, красочного Горького, каким мы его знаем теперь.

Видно, так это чувствует и сам Горький: не раз в своих позднейших обращениях к А. М. Калюжному неизменно зовет он его своим другом и учителем.

Так, в одном из своих писем Горький пишет ему:

„Мы не виделись с вами почти девять лет, но я прекрасно помню все пережитое с вами и никогда не забываю, что именно вы первый толкнули меня на тот путь, которым я теперь иду“.

В другом письме (1903 года) Горький, сравнивая свои отношения к другим людям, характеризует таковые же к Калюжному следующими сердечными словами:

„А вас я люблю и уважаю, и нет силы, коя могла бы вытравить из моей души эту любовь и уважение. И нет людей, которым я мог бы сказать это так легко и свободно, как говорю вам, дорогой друг“.

Посылая Калюжному (в октябре 1901 года) из Нижнего-Новгорода свои сочинения,

вышедшие тогда уже 3-м изданием, Алексей Максимович пишет:

„Другу и учителю, которому я обязан неисчислимо многим, с горячим чувством благодарности.“

„Сегодня исполнилось девять лет с той поры, как напечатан был мой первый рассказ. Это случилось благодаря вам, Александр Мефодиевич, крепко пожимаю вашу руку, дорогой учитель! Я никогда не пишу вам — простите! И поверьте, что едва ли

есть день в моей жизни, в которой я не вспоминал бы о вас“.

В этих коротких, но теплых, задушевных словах писателя отчетливо просвечивается то, чем Калюжный был в его жизни.

Некогда безусый бродяга Максимыч, пареня странной биографии, без имени — ныне прошел высокий путь к мировой известности и славе.

Герои горьковских пьес в изображении иностранных актеров

Далеко внизу, в долине, там, где некогда начался горный путь Горького, — все в том же старом Тифлисе, — остался и живет состарившийся Калюжный.

Высоко в горах — в Сорренто — живет ныне писатель Максим Горький.

Казалось бы, широкая пропасть прожитых лет легла между ними. Но это не так... Никакому пестрому ряду жизни не завесить в памяти писателя того, что было однажды...

„Дорогой друг и учитель мой Александр Мефодиевич.“

„С той поры, как я счастливо для себя встретился с вами, прошло 34 года; с того дня, как мы виделись второй раз, истекло двадцать два года.“

„За это время я встретил сотни людей, среди них были люди крупные и яркие, но поверьте, никто из них не затемнил в памяти сердца моего ваш образ. Это потому, дорогой друг, что вы были первым человеком, который отнесся ко мне воистину по-человечески. Вы первый, памятный мне, хорошим взглядом мягких ваших глаз, взглянули на меня не только как на парня со странной биографией, бесцельного бродягу, как на что-то забавное, но сомнительное. Помню ваши глаза, когда вы слушали мои рассказы о том, что я видел, и о самом себе. Я тогда же понял, что перед вами нельзя хвастаться ничем, и мне кажется, что благодаря вам я всю жизнь не хвастался собой, не преувеличивал моей самооценки, не преувеличивал и горя, которым щедро напоила меня жизнь.“

„Вы первый, говорю я, заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже слишком тридцать лет честно служу русскому искусству.“

„Я рад случаю сказать вам все это на словах. Пусть знают, как хорошо отнестись к человеку человечески сердечно.“

„Старый друг, милый учитель мой, — крепко жму вашу руку.“

Алексей Пешков“.

25/X—25 г.
Сорренто.

Да, бесконечно прав Горький: — „Пусть знают, как хорошо отнестись к человеку человечески сердечно“.

Пусть знают все, что молодой, начинающий писатель остро нуждается в таких вещах, как любящая, дружеская, верящая в юный талант рука, которая одобрит и отгонит сомнения, твердо поддержит молодую, неокрепшую еще силу.

Потому что молодые ростки писательства, как и юные ростки садовых растений, кроме почвы и пищи, остро нуждаются еще в тщательном, любовном уходе.

Эбер Клейн.

Произведения Максима Горького неоднократно с большим успехом ставились заграничными театрами. На нашем снимке — актеры, игравшие в „На дне“ в одном из немецких театров: Иоганна Гусс — Наташа; Альфред Кона — татарин; Гертруда Эйвельд — Настя; Эммануил Рейхер — актер; Ричард Леопольд — Алешка; Джозеф Дилль — Медведев; Вассман — барон; Винтерштейн — Вася; Пенел — Джозеф Дилль — Медведев (в другом акте).

Горький с женой и сыном Максимом в Нижнем в 1899 г.

У ГОРЬКОГО В НИЖНЕМ

В июле 1899 г., вернувшись из очень рискованной поездки по Балканскому полуострову, я решил отдохнуть несколько дней на Волге. Остановился в Нижнем, чтобы на другой день выехать обратно, но зашел к Горькому и застрял на несколько дней. Мне помнится, что он жил в той же квартире, где я бывал в 1882 году у Вл. Г. Короленко, когда-то сосланного в Нижний, как впоследствии Горький.

Алексей Максимович и Екатерина Павловна приняли меня просто и дружески. Я у них обедал, пил чай, играл с маленьким Максимом.

Как-то гуляя по Покровке в яркий июльский день, я сфотографировал своим кодаком всю семью на Покровке, но лучше всего вышел Максимчик. Это—единственная карточка, уцелевшая у меня от того времени.

С Алексеем Максимовичем вдвоем мы гуляли ежедневно с утра по городу, по Нижнему Базару, среди грузчиков и рабочего народа. Лазили вдвоем по развалинам кремля и снимали кодаком друг друга, стараясь повиснуть где-нибудь над пропастью.

С Откоса мы прошли в цирк Акима Никитина, моего старого товарища по цирку, попали на репетицию. Аким был в восторге от гостя, которого знал хорошо, как и весь Нижний его знал, и тут же предложил посещать цирк во все время его пребывания в Нижнем, и во время спектаклей, и во время репетиций быть в цирке, как дома.

Алексей Максимович сразу полюбил Акима, простого и милого, интересовался репетициями и всегда потом ходил в цирк, как свой человек.

Но как хорошо было в доме, за обедом и за чаем. У меня нервы были приподняты

после пережитого на Балканах, я рассказывал о моих приключениях, так что гостеприимному хозяину и говорить было некогда.

Но когда я стал рассказывать подробности о студенческих волнениях в Москве, Алексей Максимович оживился и заговорил, весь отдавшись этому жгучему вопросу.

Впоследствии в Москве мы встречались у Антона Чехова и в Художественном театре, когда Алексей Максимович ставил свое знаменитое „На дне“. Для этой пьесы я водил артистов труппы Художественного театра со Станиславским и Немировичем-Данченко во главе по притонам Хитрова рынка, а художника Симова даже в самые трущобные подземелья Кулаковки, в тайные притоны „Сухого оврага“, которые Симов увековечил в своих прекрасных декорациях.

Так мы больше с Алексеем Максимовичем и не виделись. Во время революции нам так и не пришлось встретиться. Только раз поговорили по телефону в то время, когда я был болен, и он обещал ко мне заехать, но так и не знаю, заезжал он или нет. Это был наш последний разговор.

И вот только в 1926 году я опять пережил старые впечатления. А. Белозеров в мартовской книжке „Нового Мира“ пишет, цитируя протокол допроса Горького, после его ареста весной 1901 года:

„Еще в 1899 году к Максиму Горькому, по его словам, приезжал литератор Гиляровский и в разговоре о студенческих беспорядках сказал, что в Москве имеет большой успех среди публики стихотворение „Сейте“. По просьбе Горького, Гиляровский будто бы воспроизвел эти стихи

на лоскуте бумаги, не ручаясь за точность (стихи отобраны при обыске у Горького в 1901 г.).

С Е Й Т Е.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте студентов по стогнам земли,
Чтобы поведать все горе сердечное
Всюду бедняги могли.
Сейте,—пусть чувство растет благородное,
Очи омочит слеза.
Сквозь эти слезы пусть слово свободное
Руси откроет глаза.

И т. д.

Под стихами значится неразборчивая подпись¹ „И. Гиля...“ Начальник жандармского управления, сообщив об этом департаменту полиции, заметил, что „стихи написаны карандашом, но довольно разборчиво и без всяких помарок,—очевидно, Гиляровский прекрасно помнил содержание этих стихов“. Хотя М. Горький и отрицал на жандармском допросе авторство Гиляровского в отношении этих стихов, но жандармы склонны были приписать стихотворение именно ему. Авторство Горького в данном случае отпадало потому, что стихи были написаны не его рукой и значилась подпись: „И. Гиля...“

Давно забыто все старое в кипучем вулкане захватывающей новой жизни!

И вдруг, благодаря—кому же!—жандармскому архиву, я имею забытое стихотворение, и незабвенные дни, проведенные у Алексея Максимовича, встали предо мной, как далекий, дивный сон.

Влад. Гиляровский.

¹ „В“ я пишу похоже на „И“.

Смерть Джамса Мортон. В Ленинграде умер литейщик Джамс Мортон, приехавший в 1926 г. из Англии в СССР по вызову леди Астор (см. «Огонек» № 48 в 1926 г. и № 45 в 1927 г.). Тов. Мортон по прибытии в Ленинград ра-

ботал на «Красном Путиловце» и принимал ближайшее участие в производственной жизни ленинградского гиганта. Мортон заболел в Ливерпуле, задолго до приезда в СССР, но врачи, которые его вызвали, не обратили должного внимания на его болезнь. На новом месте болезнь Мортон стала прогрессировать и, несмотря на всестороннюю медицинскую помощь и лучшие условия, в которые был поставлен Мортон, неизлечимая болезнь его сломала.

Незадолго до смерти Мортон отправил следующее письмо секретарю компартии Великобритании:

«Дорогой товарищ! Я просил моего друга написать мои последние несколько слов ко всем товарищам и друзьям в Англии. Большим счастьем была для меня работа в Советской России и то, что я принимал хоть маленькое участие в строительстве нового социалистического государства. К несчастью, я привез

с собою из Англии ужасный недуг (саркому), который окончательно одолел меня. Остался я в Англии, моя участь была бы, по всей вероятности, — дом презрения. Здесь, среди товарищей, все было сделано, чтобы облегчить мои страдания. Были приглашены лучшие профессора для моего лечения, и, если бы только возможно было излечение, товарищи не пожалели бы ни времени, ни денег, чтобы добиться его. Я счастлив, зная, что моя жена и дети будут жить в России и что мои дети будут воспитаны таким образом, чтобы суметь продолжать работу, к которой я имел лишь краткую возможность приложить руку, — строительство первой рабочей республики. Всем товарищам в Англии я бы сказал: защищайте Советский Союз — отечество рабочих всего мира. А теперь всем товарищам и друзьям — прощайте. Ваш братски Джамс Мортон».

По постановлению союза металлургов, семье Мортон будет оказана поддержка, а воспитание его детей союз примет на свои средства.

Чрево Нью-Йорка. Классическая фигура этого «тяжеловеса» как будто специально создана для карьеры этого человека. Это —

Кларенс Баррен, владелец знаменитой газеты американских банкиров: «Уолл-стрит Джернел». На Уолл-стрит сосредоточены крупнейшие финансовые и банковские предприятия Штатов, т. е., иначе говоря, все миллиарды

американских миллиардеров. На такой богатой почве, конечно, нетрудно расцвести махровому цветку капитала — газете, которая сейчас, конечно, усиленно ратует за поддержку французской версии о советском золоте.

Бургомистр города Кельна в Москве. Бургомистр города Кельна Эбергард Беннер вместе с заведующим иностранным отделом Кельнской вы-

ставки д-ром Шейдле недавно были в Москве для личного контакта с учреждениями, которые будут принимать участие на Кельнской выставке. Кельнскую выставку печати, открывающуюся этой весной, посетит целый ряд наших представителей, и лучший павильон на выставке уже арендован нами.

Старушка гильотина. Выставленный сейчас в Парижском музее революции изобретенный д-ром Гильотеном аппарат для «быстрого и безболезненного

прекращения жизни изменников и преступников» заслужил «бессмертную» славу. Впрочем, теперь гильотина уже перешла в музей, а на ее место с триумфом вступил на первый взгляд даже очень похожий на нее электрический стул. Этот новый, более современный аппарат больше по душе сановным палачам рабочего класса. На нем убивают тихонько, в темном углу, в тишине. Гильотина же, рожденная революцией, дочь Парижа, дитя улицы, всегда поднимала крик, сзывала народ, трубила в набат.

Дантес и Николай I. В следующем номере журнала будет напечатана статья Леонида Гроссмана, освещающая историю дуэли Пушкина — Дантес и Николай I. Будет опубликовано незаданное письмо Дантеса к Николаю I по архивам бывшего министра иностранных дел.

Тани «Феликс Дзержинский». 11 марта в Лефортове, близ Красновардейских казарм, состоялась торжественная передача Красной армией двухместного танка «Феликс Дзержинский», построенного на средства польских трудящихся масс, живущих на территории СССР.

В передаче танка участвовали делегации крестьян УССР и БССР, прибывшие специально для этого в Москву. На нашем снимке заснят т. Феликс Кон у танка.

Фот. Б. Игнатовича.

К юбилею М. Горького Библиотекой «Огонек» выпущена

С этим номером «Огонька» рассылается книжка рассказов С. Н. Сергеева-Ценого

М. ГОРЬКИЙ
В ПОРТРЕТАХ
И ФОТОГРАФИЯХ

книжка — «М. Горький в портретах и фотографиях».

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
ЖИВАЯ ВОДА

«Живая вода». В книжку вошли рассказы: «Живая вода» и «Аракуш».

В Библиотеке «Огонек» вышла и рассылается с этим номером журнала книжка юмористических рассказов Рудольфа Пресбера, в переводе Д. Кармен, под названием

РУДОЛЬФ ПРЕСБЕР
КРАСНЫЙ ОСЕЛ
РАССКАЗЫ

«Красный осел». В книжку вошли рассказы: «Красный осел», «Судьба семьи Бремеля», «Последний пир последнего из Бирковичей» и «Мой портрет».

В № 12, «Огонька» под статьей «Хоть это и не Форд» неправильно подишь; должно быть: В. Чага.

«Победа Пилсудского». Неслыханный предвыборный террор, против которого протестуют даже некоторые буржуазные партии, доставил в конце концов Пилсудскому возможность иметь в сейме последнее слово. Правительственный список, правда, получил всего 135 парламентских мандатов из 444. Однако, совершенно очевидно, что т. н. оппозиционные буржуазные партии скоро со всем своим багажом перейдут в правительственный лагерь. Если во время выборов ПИС

выполняла роль «оппозиции его маршальского величества», то теперь, после отхода от нее рабочих масс, она неизбежно вернется в стойло своего господина. Если бы рабоче-крестьянский список № 13 не был аннулирован в 51 округе из 64, которые всего насчитывает Польша, то, вне всякого сомнения, Пилсудский имел бы неприятный для него случай констатировать появление в сейме многочисленной коммунистической фракции.

Но девиз великого пана истинно-незачитский — не стесняться в средствах. Удобно, но... безопасно ли? Посмотрим!

На снимке — летучий митинг в дни выборов в рабочем районе.

Цена комплектов Библиотеки «ОГОНЕК» с эталерной

в 50 книг.	6 р. 50 к.
» 100	10 » —
» 150	13 » —
» 200	16 » 50
» 250	20 » —
» 300	25 » —

Английские опекуны китайского народа продолжают наводнять Китай своими войсками. Несмотря на, казалось бы, недвусмысленно выраженную волю китайского населения, англичане вместе с другими иностранными империалистами продолжают делать вид, что они благотворительствуют, вмешиваясь в дела Китая. На наших снимках изображены: сверху — уход полка английских солдат из Китая после года пребывания там. Они уступают место другим, которые придут насаждать твердолобую культуру с новыми силами. Внизу направо — остающиеся английские солдаты с плакатами, на которых перечислены подвиги уходящих, в том числе разгром рабочих коммунистических организаций, борьба за „успокоение“ Китая и целый ряд аналогичных „боевых заслуг“.

Совещание статистиков

На первом московском губерническом совещании волостных статистиков и добровольных корреспондентов, происходившем в Москве в Доме Крестьянина, присутствовало около 300 человек, среди которых большое количество добровольных корреспондентов-статистиков со стажем от 25 до 40 лет. Управляющий ЦСУ СССР В. П. Милютин и управляющий ЦСУ РСФСР С. П. Середа в своих докладах выразили уверенность, что почин Московской губ. послужит примером для других мест. Нет никакого сомнения, что более тесная связь центра с низовым аппаратом статистики приведет к значительному повышению доброкачественности наших статистических материалов, на основе которых в значительной мере базируются все планы нашего хозяйственного и культурного строительства.

КИЕВСКОЕ ТОРЖИЩЕ

Общий вид киевской контрактной ярмарки.

ПОЧЕМУ ВЫ НЕАККУРАТНО ПОЛУЧАЕТЕ „ОГОНЕК“

Все жалобы подписчиков на неаккуратное получение изданий нами немедленно разбираются и удовлетворяются. Однако, значительная часть жалоб имеет место по вине почтового аппарата, а частично и по вине самих подписчиков. В виду этого обращаем внимание наших подписчиков на следующее:

По существующей ныне карточной системе, все количество экземпляров изданий сдается полностью Московскому Почтамту, который от себя рассылает их по почтовым отделениям для раздачи подписчикам по карточкам, предварительно разосланным Почтамтом по почтовым отделениям. Таким образом, невысылка отдельных номеров подписчику со стороны издательства по карточной системе совершенно исключена.

Если издания все же получаются с пропуском отдельных номеров (или приложений), то необходимо обращаться исключительно в свое почтовое отделение, где хранятся карточки всех подписчиков, и настоятельно требовать недостающие экземпляры.

Непосредственно в Главную Контору „ОГОНЬКА“ надлежит обратиться лишь тогда, когда в своем почтовом отделении отсутствует карточка данного подписчика и, таким образом, выписанное издание для этого подписчика туда вовсе не посылается.

Подписчикам, со своей стороны, надлежит сдать подписку и очередные взносы **заблаговременно** и адрес писать **ясно и четко**.

Одновременно доводится до сведения подписчиков, что, в виду рассылки по почтовым отделениям 1-й, 2-й, 3-й и 4-й книг Толстого полностью по всей подписке, поступившей в Издательство до 1-го февраля, все жалобы и заявления на неполучение этих книг должны направляться подписчиками исключительно в свое почтовое отделение.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

Эптон Синклер.

Шесть пар молодых хористов в белых одеждах медленно подвигались по продолговатому проходу, возглашая ангельскими голосами: «Пришел час, и труд работника окончен; дни борьбы миновали!». Последний из хористов — самый высокий — нес огромный крест, усыпанный бриллиантами. За ними важно выступал ректор в черном и белом облачении.

Все заняли свои места, ректор распростер руки и благословил стадо, провозгласив:

— Да будет мир с нами всегда, ныне и присно и во веки веков!

И, действительно, вся сила его слов снизошла на молящихся, хотя они и были произнесены как раз в ту минуту, когда Клара Скэттербридж, стиснув зубы, говорила себе: «Имущество наше, и никому мы его не уступим!» А Алиса Уинтерс, сверкая глазами, думала: «Они овладели имуществом благодаря закладной, как какие-нибудь маклеры!» А Прицилла Эльвин, дочь Дебора, сжав кулаки, решила: «Когда дело дойдет до серьезного, я знаю, что мама уступит, но я — никогда!»

— Я емь ж-жизнь и воскр-р-решение! — возгласил реверенд Вульверхемптон, и затем, как будто зная о колыбели с «Мей-флуэра» и ковре шаха персидского, он добавил: «Мы ничего не принесли в сей мир и ничего не можем взять с собой».

Хор запел: «Господь — наш утешитель и покровитель из века в век»; ректор начал читать из главы XV первого послания апостола Павла к коринфянам. Чтение это очень длинно и сложно, и нет ничего удивительного в том, что внимание некоторых из молящихся отвлекалось и переносилось совсем в другую область. Руперт Эльвин, входя в зал, заметил Джерри Уокера, сидевшего на одном из боковых мест и поэтому он думал теперь о войлочном производстве Джерри и о купленной им шляпной фабрике, а также о том, удастся ли ему оплатить в срок векселя, и как долго Пилигрим Иэнноел Банк будет ссужать его деньгами. Дедушка Эбнер, которому скоро предстоял матч с известным шахматистом, французским евреем, обдумывал условия игры. А молодой Джо-зиа Торнуэлл Уинтерс, безграмотно любимый сын Алисы, имел в этот день свидание и беспокоился, как бы его здесь не задержали. Бетти Эльвин, сидевшая позади бабушки, думала: «Если бы только она поселилась у нас и немного оживила наш дом!»

Звучным голосом ректор продолжал сражаться с запутанной метафизикой Павла: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглослена смерть победою».

Корнелия думала: «Может ли это быть? Действительно ли мне еще придется встретиться с Джо-зией? Неужели он где-то еще живет и знает, о чем я думаю? Если это так, то, значит, я не свободна?»

В гробу, на расстоянии трех футов от нее лежал труп ее мужа, то, что апостол Павел называет «естественной плотью». В течение трех дней он сохранялся при помощи раствора формальдегида, но пройдет еще час — два, и он будет положен в склеп, где начнется процесс, о котором крайне неприятно думать. Корнелия читала Фавра и представляла себе все подробности: трупные черви не имеют

жевательных приспособлений и переваривание пищи производится до принятия ее — они поливают тело особым соком, который разжижает его, и тогда они всасывают жидкость и бесконечно преумножают свое потомство. А апостол Павел говорит: «Тленному сему надлежит облечься в нетление».

Священник продолжал читать молитву, а Корнелия, опустившись на колени, читала свою молитву: «Боже, примири моих детей, прекрати их вечные ссоры!» Потом она встала, опять заняла свое место и начала слушать восхваление великого покойника.

«...Когда государство было в опасности, он стоял крепко, как скала... на каждую нужду, общественную или личную, он всегда щедро откликнулся... величайший представитель своего поколения... мы, люди позднейшего времени, тщательно стремимся подражать подобным ему... и так далее и так далее — речь, вполне достойная Бостона по содержанию, тону и акценту.

Но ум Корнелии был занят реальными вещами. Многие годы она обращалась к богу в своих молитвах: «Господи, избави моих детей от тщеты светской жизни». Но чего-то не хватало в ее молитвах — результаты всегда были как раз противоположные.

— Панихида будет продолжаться на месте погребения, — объявил ректор. Шесть пар молодых хористов направились к выходу с пением: «Церковь — наш стол и опора», а гости медленно проследовали в библиотеку и в гостиную, а также на поляну перед домом и ожидали там, пока рабочие не отдадут последний долг покойному. Администрация фабрики руководила этим делом, но Корнелия сочла своим долгом присутствовать при прощании, и дочери, не желая отставать от матери, стояли рядом с ней.

Рабочие входили один за другим, тихо и несмело: мужчины и женщины, старые и молодые, по большей части эмигранты; они имели жалкий вид, особенно потому, что делали большое усилие казаться «приличными». Не часто бывает, что оба класса сходятся вместе, но здесь они встретились: хозяева — стройные и элегантные; рабочие — низкорослые, с согбенными спинами, со шрамами на лицах, с скрюченными, мозолистыми руками. Они долго простояли на ногах, чтобы увидеть это величие, а теперь, дождавшись своей очереди, смущались и робели; почти все, кроме некоторых из молодежи, боялись даже повернуть голову и глядели прямо перед собой. Некоторые, проходя мимо Корнелии, — те, кого она навещала во время болезни, — кланялись ей, и она чуть заметно отвечала на их поклон.

Носильщики подняли гроб на плечи — почтенные лица, имена которых были объявлены в газетах, торжественно стали по обе стороны — и поставили на катафалк. Родственники заняли места в автомобилях, а также гости, желавшие провожать покойника на кладбище, и длинная процессия машин выехала на улицу, где почтительно замерло всякое движение.

Похоронная процессия приблизилась к фамильному склепу с дорогим бронзовым альковом, ожидавшим нового жильца. Все встали, склонили головы, хор опять запел, и реверенд Вульверхемптон провозгласил: «Человек, рожденный от женщины, недолговечен, его жизнь полна страданий». Гроб был водружен на свое место и запечатан, двери склепа закрыты и на них повешен замок, благословение господне было испро-

шено на присутствующих, и все было кончено.

Катафалк направили в гараж, где будет стоять в ожидании следующего пассажира, гости разъехались по домам, а члены семьи вернулись в Хильвью чтобы присутствовать при церемонии, которая их больше всего интересовала, — чтение завещания Джо-зии Торнуэлла.

Все собрались в библиотеке, от высшего до низшего, от самого богатого до самого бедного — даже старые слуги, которые верили, что о них не забыли. Все были налицо, кроме двух членов семьи. Клара, бросив взгляд вокруг, заметила отсутствие сестры Алисы и, проникшись подозрением, поспешила в вестибюль.

Там, на широкой лестнице, она увидела картину, подобной которой никто из Торнуэллов не видел уже бог знает сколько времени — во всяком случае, со времени феодального права, когда их предки были баронами-грабителями. Решительно наморщив лоб и устремив взгляд вперед, по лестнице спускалась Алиса. За ней следовала горничная — француженка, а между ними болтался продолговатый предмет, выкрашенный в коричневую краску, поцарапанный и побитый.

Клара окаменела на месте.

— Алиса Торнуэлл! Что ты делаешь? — закричала она, как будто и так не было слишком все ясно! Видя, что Алиса, не говоря ни слова, продолжает идти вперед, она добавила: — Если ты вынесешь эту колыбель из этого дома, я не буду говорить с тобой, пока буду жить на свете! — И еще: — Я назову тебя воровкой перед всем миром!

Когда же и эта страшная угроза не имела никакого действия, Клара, крепко вонзив ногти в ладони, бледная от гнева, завопила: — Ах! Ах! Ах!

Алиса скрылась за дверью с горничной-француженкой и колыбелю, а Клара бросилась в библиотеку и шепнула матери:

— Алиса украла колыбель!

Корнелия выбежала на крыльцо как раз в ту минуту, когда колыбель вталкивали в лимузин Уинтерсов. Она не входила в дверь, и женщины поставили ее на подножку по правую сторону, подальше от шофера; горничная села на переднем месте и придерживала колыбель, высунув руку в переднее окно. Алиса села на заднем месте и держала ее, высунув руку в заднее окно. Автомобиль рванул и помчался, оставив семью Торнуэллов в положении муравьиной кучи, на которую наступили ногой.

Но это еще было не все! Страшная мысль мелькнула вдруг в уме Клары, и она побежала в маленькую гостиную на задней половине дома, где женщины любили пить чай. Посреди этой комнаты, на полу, где почти не ступала нога, лежал ковер шаха персидского. Но теперь его там не было!

Клара заметила это в мгновение ока и со всех ног бросилась к старшей сестре.

— Дебора Торнуэлл, ты украла мой ковер!

Дебора выпрыгнула во весь рост и вытаращила глаза от изумления.

— Я не трогала моего ковра!

— Но он исчез!

— Во всяком случае, я его не трогала. Клара окинула присутствующих взглядом. Присцилла, старшей дочери Деборы, среди них не было. Она не стала никого спрашивать, но обратилась прямо к Эддикусу, слуге, которому за пятьдесят лет верной службы никогда еще не приходилось видеть что-либо подобное наяву или во сне.

— Эддикс, мисс Присцилла унесла ковер шаха персидского. Отнесите его и доставьте мне. Живо!

За двухсот восьмидесятилетнюю историю Бостона никогда еще не имело места такое „не-бостонское“ событие, и поэтому бороться с ним нужно было не „по-бостонски“. В гневе Клара Торнуэлл Скэттербридж становилась обыкновенной женщиной. Со слезами в своих голубых фарфоровых глазах она жаловалась мужу, матери, своим старшим детям и даже гувернантке. Не обращая внимания на уговоры мужа, пытавшегося усмирить ее, она бегала из комнаты в комнату, оставляя двери открытыми, и заглядывала в шкафы и под диваны. Когда ей вдруг пришло в голову обыскать дом снаружи, она бросилась к подъезду, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, забыв о своей полноте, о слабом сердце, о расширенных венах, забыв даже о том институте, который из поколения в поколение стоял нерушимым — о Торнуэллском величии!

Тайна, наконец, была раскрыта. Когда слухи о похищении ковра дошли до слуг, шофер доложил, что он видел, как мисс Присцилла прошла с ковром в сад.

Клара пустилась бежать по поляне к саду, Дебора последовала за ней по ее настоянию, а остальные члены семьи стояли и смотрели издали — их понятие о приличии оказалось сильнее любопытства.

Под одной из яблонь сидела стройная молодая девушка, будущая устроительница городов-садов, Присцилла Торнуэлл-Эльвин, серьезная и сосредоточенная. Она сидела посредине бесценного ковра шаха персидского, разостланного на траве.

— Присцилла! — крикнула Клара. — Вставай!

Молчание, глубокое и торжественное. — Присцилла, слышишь, что я говорю? Вставай с этого ковра!

Снова молчание, еще более торжественное. Клара повернулась к сестре.

— Дебора, прикажи своему дитяти повиноваться!

Приказать? Последовала пауза, и, казалось, история остановилась на это время.

— Присцилла, я не одобряю твой поступок. Пожалуйста, встань.

Сидевший на ковре сфинксе обнаружил дар речи.

— Мама, и то лицо, кому этот ковер должен принадлежать по наследству, и я знаю, что мне надо делать. Я намерена сидеть здесь, пока не будет прочитано дедушкино завещание. Если ковер достанется нам, как он обещал, — хорошо. Если же нет, то пусть тетя Клара зовет полицию, чтобы меня сняли с ковра.

— Присцилла! Ты противилась своей матери? — Клара была близка к истерике. — Дебора, заставь ее повиноваться!

— Присцилла, повинуйся мне, — сказала мать.

Неужели это возможно, чтобы голоду матери не хватало обычной твердости? Как бы там ни было, но Присцилла Эльвин продолжала спокойно сидеть на месте, глядя в пространство.

— Повинуйся своей матери! — крикнула Клара.

— Повинуйся мне, Присцилла! — как эхо отозвалась Дебора.

— Мама, — сказала сидевшая на ковре, — мне исполнилось восемнадцать лет на прошлой неделе, я была у юриста и узнала, что никто уже не может повелевать мною, кроме закона. Я сижу здесь и намерена здесь сидеть, и я предупреждаю, что если кто-нибудь, кроме полиции, попытается меня снять с этого места, я потребую у судьи ордер на его арест!

— О-о! — простонала Клара. — Куда идет наше молодое поколение!

— Тетя Клара, — обратилась к ней сидевшая на ковре, — вы напрасно тратите время. Ступайте и прочтите завещание, а так вы ничего не добьетесь. Я буду сидеть здесь, пока не выяснится вопрос. Я могла бы уйти в другое место, подальше, но мне так нравится этот сад!

Тем временем Корнелия прошла в свою комнату, заперла дверь на ключ, оттуда — в свою спальню и тоже заперла дверь; чтобы быть уверенной, что ее покой не будет нарушен. Держа бювар на колене и карандаш в руке, она писала:

„Дорогие дети!

В течение сорока лет я жила так, как другие указывали мне, и никогда не знала

никакой радости. Теперь, мне кажется, я уже сделала для вас все, что можно было сделать, и вы проживете без меня. Надеюсь, я достаточно взрослая, чтобы самой заботиться о себе. Покидаю вас на некоторое время, вернусь, когда пожелаю, а, может быть, и совсем не вернусь. Я не беру с собой ничего из имущества, — мне и так надоело с ним возиться всю жизнь, — я думаю, что буду чувствовать себя счастливее без него. Я хочу доказать самой себе, к своему собственному удовлетворению, что могу прожить без чьей бы то ни было помощи или совета. Вас я прошу об одном: не тратьте напрасно времени и денег на поиски. Это только будет раздражать меня, и никому не принесет пользы, потому что я и впредь буду делать только то, что мне пожелается. Я часто слышала о детях, убегающих из дому, ну, а я буду бежавшей бабушкой.

Желаю вам всего хорошего.

Корнелия.

Р. S. Я прилагаю другое письмо, благопристойного характера, которое вы можете показать нашим друзьям и знакомым“.

И другое письмо:

„Милые мои дети!

Внезапная смерть вашего дорогого отца так глубоко потрясла меня, что я чувствую себя совершенно разбитой и больной. Мне сегодня сообщила по телефону старшая школьная подруга, что она отправляется путешествовать в горы, и пригласила меня. Я полагаю, что такая полная перемена обстановки будет весьма для меня полезна. Я уезжаю вечерним поездом. Пишу вам, чтобы предупредить вас и объяснить свой поступок. Желаю вам счастливо провести лето.

С любовью, ваша мать

Корнелия“.

Запечатав оба письма в один конверт и пометив „Деборе, Алисе и Кларе“, она положила конверт посредине кровати. Затем она сменила траурное платье на обыкновенный выходной костюм, взяла ручную сумку с некоторой суммой денег, отперла одну дверь, другую, и проскользнула задним ходом на тропинку, которая вела к проезжей дороге за оградой.

Здесь была трамвайная станция и стоял трамвай с табличкой сбоку — „Бостон“. Она вошла в вагон и заняла место.

Глава II. Скала Плимут

Огромный автобус, направлявшийся из Бостона, мчался по широкой проезжей дороге и, подойдя к Северному Плимуту, остановился перед воротами канатной фабрики. Из него вышла старуха, одетая в простой рабочий костюм, на голове у нее был поношенный серый платок, в руках — небольшой дешевый чемоданчик. Из-под платка блеснули карие глаза; они беспокойно забегали по сторонам, когда автобус скрылся вдаль.

Старуха устремила взгляд на огромное двухэтажное здание, протянувшееся вдоль набережной. Оно имело вид крепости с железной оградой перед фасадом и прудом, превращенным по средневековому в ров с водой. Высоко в голубом небе развевался американский флаг, дабы всем было известно, что это не средневековый замок на Рейне, а промышленный центр, возникший на земле, которая когда-то была гордостью отцов-пилигримов.

Старуха некоторое время стояла в нерешительности. Потом подошла к сторожу, стоявшему у ворот.

— Скажите, пожалуйста, куда нужно обратиться, чтобы получить работу?

Сторож указал на здание по другую сторону дороги. — Вот контора, — сказал он, — но теперь уже поздно. Через пять минут работы кончатся. Приходите завтра.

Она окинула взглядом красные кирпичные стены, голубое небо, белые облака и звездный флаг — все так и просилось на открытку. Окна длинного корпуса фабрики были открыты, до нее доносился шум машин, внутри мелькали фигуры рабочих — мужчин и женщин.

Внезпно заревел гудок, и, словно по волшебству, фабричные корпуса начали извергать человеческую массу. Казалось, люди уже стояли наготове по ту сторону дверей, как участвующие в бегах; глядя на них, можно было подумать, что фабрика охвачена пожаром или окутана ядовитыми газами. Густой массой выливались из ворот толпы рабочих, — дорога запылала серыми и синими облаками мужчин и разноцветными платьями женщин.

Большинство из них были эмигранты — итальянцы, португальцы и другие смуглые народности. Все они были хилые, низкорослые; пожилые и старики с согбенными от труда спинами; они шли, как автоматы, не оглядываясь по сторонам. Молодые — вдвое и по-трое, разговаривая и смеясь; некоторые из них улыбнулись старухе с карими глазами, смотревшими из-под платка.

Две тысячи с лишним прошло через ворота, и затем толпа стала редеть. Старуха повернулась и направилась по дороге,

потом вышла на улицу, усаженную по сторонам деревьями. К улице примыкали переулки, где жили рабочие; деревянные квадратные домишки на четыре семьи стояли по обе стороны, некрашенные и невзрачные на вид.

Итальянский мальчик лет семи-восьми, с блестящими черными глазами, поравнялся со старухой.

Он был худ, но довольно опрятен на вид; иди по улице, он весело насвистывал.

— Здорово, мальчуган, — обратилась к нему старуха.

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Бельтрандо.

— Ты не знаешь, у кого здесь можно снять комнату со столом?

Мальчик подумал и сказал:

— Идемте со мной. Я вас провожу к своей маме.

Мальчик прекрасно говорил по-английски. Он повернул в переулок Суэссо, и вскоре они подошли к двухэтажному деревянному домику, обитому гонтом. Они вошли в дом через заднюю дверь, и Корнелия Торнуэлл очутилась в кухне миссис Винсенцо Брини.

Перевод И. Огарменко.

Продолжение следует.

„ВИКТОРИНА“ — НОВАЯ ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия двенадцатая — „ЧОРТОВО ЯБЛОКО“.

1. Какой из нынешних полпредов СССР руководил взятием Зимнего дворца в 1917 г.?
2. Что такое белорусская громада?
3. Какое государство и когда выпустило первую в мире почтовую марку?
4. Что такое меджилис?
5. Может ли человек поднять куб. метр пробки?
6. Какая советская крестьянская художественная артель по обработке дерева пользуется мировой известностью?
7. Когда в России введено бумажное денежное обращение?
8. Какой знаменитый поэт был лучшим пловцом своего времени?
9. Какой журнал издавал Пушкин?
10. Сохранилась ли и где пресловутая «шапка Мономаха».
11. Где и когда в России вышла первая газета?
12. Можно ли намагнитить раскаленное железо?
13. Что такое инкубатор?
14. Какой король и при каких обстоятельствах был продан за 4.000.000 руб.?
15. Какой всемирно-известный поэт был премьер-министром?
16. На гербе какой страны изображен орел, держащий в когтях серп и молот?
17. Какой американец в целях рекламы своей фирмы снарядил для поездки в Европу «корабль мира», чтобы предложить воюющим державам примириться?
18. Назовите главный город Башкирской автономной республики.
19. Кого называют «отцом политической экономии»?
20. Чем известен тов. Казанцев?
21. Какой исследователь полярных стран является известным общественным деятелем?
22. Откуда получила свое название канарейка?
23. На какой реке стоит Берлин?
24. Что называли «чортовым яблоком»?
25. У какой рыбы оба глаза на одной стороне туловища?
26. Как произошел обычай пожимать руки?
27. Какого государственного деятеля Германии называют «кровавой собакой»?
28. Кто такой Мас-сарик?
29. Назовите столицу Никарагуа?
30. Какие два государства в Северной Америке соединяются мостом?
31. Что такое Скотланд-Ярд?
32. Какому иностранному ученому советское правительство поставило памятник?
33. Монеты каких стран носят название музыкального инструмента?
34. Назовите три значения слова «журавль»?
35. Какое насекомое, поразив своего противника, умирает само?
36. Какого цвета кажется красное платье через синее стекло?
37. Какой известный советский ученый является однофамильцем знаменитого композитора?
38. Слияние каких организаций дало Осоавиахим?
39. Какой знаменитый революционер был убит на дуэли?
40. Что такое бруствер?
41. Каково первоначальное значение слова «академия»?
42. Кто убил Петлюру?
43. Откуда выражение «лаконический»?
44. Какое млекопитающее несет яйца?
45. На какой улице Москвы больше всего несчастных случаев?
46. На какой улице Москвы больше всего технических магазинов?
47. Откуда выражение «проходит красной нитью»?
48. Из какого металла сделаны ж.-д. рельсы?
49. Откуда произошло слово «швейцар»?
50. Был ли Робинзон Крузо в России?

ПРАВИЛА ИГРЫ

Правильный ответ на вопрос дает 2 очка. Приблизительный ответ — 1 очко. При неправильном ответе или при отсутствии такового играющему не засчитывается ничего. Выигравшим считается получивший наибольшее число очков. Если вопрос состоит из двух частей, то за каждую часть засчитывается по 1 очку. Ответы должны расцениваться по смыслу, а не по форме их. Ответ может не совпадать буквально с напечатанным в «Огоньке». Добавления к ответам, напечатанные в скобках, знать игрокам не обязательно. Раз уже данный ответ менять нельзя.

В «Викторину» можно играть:

1) в одиночку: при этом играющий сам себе проставляет очки; 2) вдвоем: один спрашивает, другой устно отвечает; 3) при неограниченном числе участников: один читает вопросы, все прочие пишут на листках ответы, номеруя их соответственно вопросам.

ОТВЕТЫ К ОДИННАДЦАТОЙ СЕРИИ „ВИКТОРИНЫ“

1. О разрыве с левыми эсерами.
2. Из морских водорослей.
3. Самец.
4. Лавуазье.
5. Вождь никарагуанских повстанцев.
6. В 1921 г.
7. Пространство от прядильного колеса прядильни до саней, где снуется и крутится бичевка. Если туда попадет конец одежды или волосы, вырваться невозможно.
8. Ящерица, хвост.
9. Да, в Сев. Америке, в штате Виргинии.
10. Шахтная печь для плавки чугуна.
11. У родившегося 29 февраля.
12. 150 лет.
13. В Японии.
14. Лев Оборин.
15. „Вверх“ и „вниз“.
16. Из ячменя.
17. Николай Романов, был расстрелян в Свердловске.
18. Георг Вашингтон.
19. Ян Томп (расстрелян в январе 1925 г.).
20. Каспийское море.
21. Новая столица Карачаевской автономной области (Сев. Кавказ).
22. Нет. Через три точки всегда можно провести плоскость.
23. В старо-русском государстве заставляли преступников говорить правду, загоняя железные скобки под ногти.
24. Да. Баку-Сабунчинская.
25. Восклицание „берегись“, употребленное пожарными, моряками и др. при падении какого-нибудь предмета сверху.
26. Овсов.
27. В Мессопотамии, Тигр.
28. „Цыгане“ Пушкина.
29. Потому что ногти и волосы лишены нервов.
30. Геометрией Эвклида.
31. Да. Истории в Петербургском университете.
32. 12 марта 1918 г.
33. Террорист Н. И. Рысаков при убийстве Александра II.
34. О. Генри.
35. Окончательным поражением Наполеона 18 июня 1815 г.
36. Кишлаки.
37. Главный порог на Днепре.
38. Пива.
39. Согласие.
40. С замерзших окон.
41. Джек Лондон.
42. Жилище лошади.
43. Сквозник-Дмухановский.
44. Помещение в крематории, где хранятся прах сожженных.
45. „Евгений Онегин“ позже (см. в „Евг. Онегине“: „...Как Чацкий с корабля на бал“).
46. Сыщиков царской охраны.
47. На выделку лучших кистей для бритья.
48. Поместить сосуд с водой в безвоздушное пространство.
49. Верблюды.
50. В норах, которые устраивают в илу у обрывистых берегов.

ИМЯ ЕРМОЛОВОЙ МЫ СОХРАНИМ

В Театральном музее им. Бахрушина есть такой рисунок художника Пастернака.

Театральная будка со стороны актера. В ней, рядом с „подающим“ суфлером, примостилась девочка лет восьми. Широко открытые, лихорадочно блестящие глаза жадно устремлены на сцену. Зрением и ухом она ловит спектакль. И, видимо, очарованная всем происходящим, подавленная, нежно

Голос артистки прервался. Большие, частые слезы падали на хорошо знакомую желтую обложку журнала.

Великая актриса служила гражданскую панихиду по великому поэте.

Великой стала Ермолова далеко не сразу. И далеко не легко.

М. Н. Ермолова девочкой с отцом—суфлером.
Рисунок худ. Л. О. Пастернака.

прильнула к руке отца, — старого суфлера. Эта девочка—Ермолова.

И вот поневоле сопоставляешь эту девочку с маленькой, сморщенной старушкой в гробу — все, что осталось от великой Ермоловой.

Между этой девочкой в суфлерской будке и прахом старухи — „жизнь человека“.

Жизнь Ермоловой.

Неужели она, эта старушка, потрясала когда-то сердца пламенным монологом Лауренсии в драме Лопе де Вега „Овечий источник“?

Она ли на крестьянской сходке бросала бурные слова призыва к восстанию против феодального тирана?

Труслыми вы зайцами родились.
Вы—дикири, по только не испавцы,
На вольную потеху отдасте
Вы ваших дочерей и жеп тому,
Кто их захочет взять. К чему вам шпиги?
Вам—веретена в руки... О, кланусь,
Хочу, чтоб женщины одни, без вас—
Тиранов казнь и злодеев кровь—
Свою вновь выкупили честь...

Да, — отвечает бесстрастная история. Это—она. Та самая.

Ермолова.

И когда на монолог истерзанной и изнасилованной испанки-Ермоловой игравший ее отец артист Шумский отвечал:

Иду на этого тирана!

в театре делалось нечто невообразимое.

Было это в 1876 г. Весна народнического романтизма. Канун взрыва 1881 г.

Со сцены говорила на заре русского либерализма артистка „народница“.

Недаром любимым поэтом Ермоловой был Некрасов.

Недаром ее любимыми стихотворениями, которые она всегда читала на студенческих вечерах, были „Идет, гудет зеленый шум“ (он тогда, действительно, шел и гудел) и плещевское „Дружно гребите во имя прекрасного“...

Когда умер Некрасов, в 1878 г., — рассказывают современники, — Ермолова на одном из ближайших концертов вышла на эстраду с последней книжкой „Отечественных Записок“ (их редактировал Некрасов), и стала взволнованно читать строки стихотворения анонимного поэта:

Смогли поэта уста благородные...
Плачьте, гонимые, плачьте, голодные,
Плачьте, несчастные, сырые, бедные!
Сердце не бьется, так много любившее
И беззаветной любви к нам учившее.

Ее отец, суфлер Малого театра, ютившийся с большой семьей где-то в подвальном помещении домика просвиры Войновой в Каретном ряду, используя закулисные „связи“, не без труда поместил девочку в казенную театральную школу.

Весь центр тяжести, все внимание тогдашней казенной школы было сосредоточено на балете. Ибо считалось, перифразируя слова

грибоедовского Репетилова, что „балет есть вещь, а прочее все гниль“.

Никаких балетных талантов у несколько грузной, малоподвижной, глывшей исподлобья девочки-волчка не было, и преподаватель Мапохин вскоре махнул на нее рукой и зачислил в разряд „безнадежных“.

Воспитанниц возили на балетные и оперные спектакли в Большом театре танцовать в самой глубине сцены, „у воды“, изображать там балетный „народ“.

Эти выезды были мучительны для девочки и часто после них она заливалась дома слезами.

Желая как-нибудь облегчить молодое горе дочери, видя всю бесполезность ее школьного обучения, отец воспользовался в 1866 г. своим бенефисом. Шли „Винзорские проказницы“ Шекспира и, по обычаю того времени, водевил, на сей раз — переделанный с французского „Жених на расхват“. И вот в этом водевиле с пением Ермолова впервые ступила на подмостки Малого театра в... опереточной роли Фаншетты.

Летом 1869 г. болевший за свою дочь суфлер решил обратиться к всемогущему Самарину — заняться с его Машей. Самарин согласился, но через несколько дней вернул дочь обратно к отцу с убийственной резолюцией:

— Не стоит заниматься. Никакого толка не будет. Никогда артисткой стать не сможет. Пусть продолжает танцовать „у воды“.

Как это часто бывало в мире старого закулисы, помог случай.

В бенефис артистки Медведевой 30 января 1870 г. должна была идти трагедия Лессинга „Эмилия Галотти“. Заглавная роль была поручена Г. Н. Федотовой. Она заболевает. И, чтобы только не сорвать спектакля, рискуют дать сыграть эту роль „воспитаннице Ермоловой“, так и обозначенной в программе — „воспитанница“.

После „Эмилии Галотти“ Ермолова была зачислена в труппу.

Но еще долго остается она вне признания печати и ценителей.

И только спектакль „Овечьего источника“, только роль Лауренсии победила и утвердила несокрушимо имя Ермоловой.

Ермолова была типично трагической актрисой.

Она не умела брать чувство мелко, брать его по бытовой поверхности.

Лучше всего она чувствовала себя в классической трагедии. И больше всего любила Шиллера. Даже в пьесах Островского Ермолова была не совсем в своей сфере. Разве за исключением Катерины в „Грозе“, где трагическое в ее исполнении брало верх над бытовым.

Играла Ермолова взлетами, „вихрями“, в романтически декламационной приподнятости. И в смысле школы многие сравнивали ее с Мочаловым. Она умела потрясти. Умела и потухнуть. Умела сыграть сегодня захватывающе до предела, а завтра — скучно. Сегодня ее трагическое сердце бьется молниями, а завтра — оно устало.

Революционные годы застали Ермолову уже на закате, на излете.

В 1920 г. советская общественность, печать и театры торжественно-отпраздновали 50-летие сценической деятельности Ермоловой.

Совет Народных Комиссаров присвоил ей почетнейшее из званий —

Народная артистка.

Московский Совет дал ей в пожизненное владение дом. — Старуха Ермолова была окружена всем тем культурным уважением и всеми теми удобствами жизни, которых заслуживало это большое имя.

В день последнего юбилея она остается верна своему первому роману, своей неизменной любви к идеалистическому Шиллеру, и выступает в одной из сцен его „Марии Стюарт“.

Дальше... Благодарственное письмо в редакцию... Несколько разрозненных выступлений на сцене... и —

Ермолова на покое.

Всего на полгода пережила она Южина. Во всех торжественных случаях и поминаниях их имена всегда ставились рядом. И правильно.

Ермолова и Южин — это одна школа, одна общественная окраска, одна большая глава Малого театра.

Юность обоих формировал романтизм русского народничества, его „зеленый шум“, его „против течения“. Их старость увенчал признанием и почетом революционный пролетариат страны Советов.

Мария Николаевна. Последний снимок.
Фот. Сахарова и Орлова.

Искусство — социальное. Каждая эпоха имеет свое искусство, свой театр, своего актера.

Мы не зовем назад к Ермоловой. Но имя Ермоловой мы сохраним. И бережно передадим его истории.

Эм. Бескин.

КОРОЛЬ ИЛИ МОЛОЧНИК

Письмо из Лейпцига Андора Габола.

Я сел в скорый поезд и поехал в Лейпциг. Я мог бы с тем же успехом сесть в автомобиль или в аэроплан. Каждые полчаса из Берлина в Лейпциг выезжает автомобиль. Каждые два часа отлетает аэроплан.

На Лейпцигском вокзале 26 подъездных путей. Весь подъездной путь такой ширины, как пространство между Страстной и Советской площадью.

Экспрессы, люксы, специальные экстренные поезда из Лондона, Парижа, Брюсселя.

На музейных, старинных площадях старого города дерзкой насмешкой кричит современность.

На площади Ратуши стоят, вонзаясь в вышину, пять или шесть небоскребов—фирмы, торгующие фарфором, издательства, электротехнические магазины. Они прижаты друг к другу, эти дома, как зимнее платье в шкафу. На этой же самой площади стоит памятник саксонскому королю со всеми его генералами. Все они сидят на огромных бронзовых конях и гарцуют втихомолку. Их поставили сюда для того, чтобы они олицетворяли собой величественное прошлое этого города. Но как может бронзовый король излучать величие, если рядом стоит гигантский рекламный фарфоровый молочник, вдвое превышающий его ростом?

Перед памятником „Битвы народов“, воздвигнутым в честь битвы под Лейпцигом против Наполеона, стоят огромные во-

стоит простая и круглая металлическая башня с четырьмя прокричавшими на весь мир буквами—СССР. Эта башня опирается на цоколь из мешков и бочонков, молчаливо вещающих о сути вещей в этом бедламе суеты и наживы—о товарах.

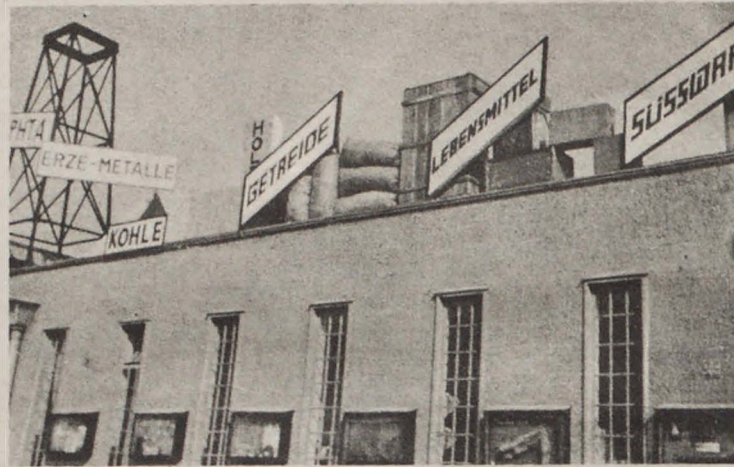
Вот павильон СССР. Ни одного рекламного кунштюка—только товары и ярко-красный, победно-режущий флаг.

В павильоне СССР, в противоположность оглушающему разнообразию других павильонов, чувствуется чья-то твердая и разумная рука. Чья-то непоколебимая и цельная воля. Плановое хозяйство говорит здесь свое ясное и убеждающее слово. Здесь одни товары не заглушаются другими, а выигрывают от их соседства. Она начинается сырьем—продуктами необъятной советской земли, ее лесов, полей и недр—и кончается достижениями на культурном фронте.

Рядом с ящиком лиц, простых лиц, которых много в Западной Европе, лежит детская красочная книжка для деревенских ребят. Ясно выражена мысль: яйца, проданные крестьянами, предназначены не только для потребителя, но и для того, чтобы на эти деньги ребенок в глухой деревушке мог купить чудесную книжку с картинками.

В глазах посетителей ясно читается одна основная мысль: „Если бы нам эти богатства, мы бы завоевали весь мир!“

Они забывают о том, что, будь у них эти богатства, они стали бы еще ожесточеннее эксплуатировать тех, кем производятся эти богатства, и привели бы свою страну к новой опустошительной войне с соседними капиталистическими шакалами.

Наша реклама на Лейпцигской выставке.

рота выставочной территории. Это вход на арену борьбы международного капитала.

„Битва народов“ на выставке в самом разгаре. Выстрелы и снаряды—рекламы и витрины.

Гул орудий—музыка оркестров.

Окопы—прилавки.

Полководцы—владельцы павильонов.

Солдаты—товары.

Над выставкой высятся радиомачты, возвышлись в небо, как мысль вонзается в будущее.

Крупные фирмы выпустили целую стайку собственных аэропланов, курсирующих между Лейп-

Металлическая башня на цоколе из ящиков, мешков и бочонков, рекламирующая павильон СССР.

Павильон СССР.

цигом и Берлином. Они пятают ночное небо огненными надписями на своих жидкотах и оглушают тихие шоссе-ные дорожки трескающей суетней своих пропеллеров.

На самой середине вокзальной площади

Переходя из одного павильона в другой, покупатели и продавцы думают только о товарах, о клиентуре, о скидках и прибылях. Все как будто бы сговорились не вспоминать о тех, чьими руками сделаны все эти товары. За кулисами стонет раб капитализма, а на сцене чванливо бродят вороны в павлиньих перьях. Лейпцигская выставка, это—маска, прибитая окровавленными гвоздями к лицу пролетариата.

Перевела Е. Кальмеер.

Редактор М.Х. КОЛЬЦОВ. Издатель—АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Неприятные редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника—воспрещается. РЕДАКЦИЯ—Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56 и 4-67-16. Отд. Распрост.—5-51-69. Московская Контора и Городская экспедиция—1-28-19 и 1-28-20. Редакционный отд.—3-91-43. Бюро иногородних объявлений—4-64-40. Адрес для телеграмм—Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ—Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—1.800 р., строка 10 стр.—3 р., сверх тарифа—10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ без приложений—10 мес. (с 1-го марта)—3 р. 95 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 3 мес.—1 р. 20 к. и 1 мес.—40 к. „ОГОНЕК“ с прил. Библиотеки „Огонек“: 10 мес.—11 р. 25 к., 6 мес.—7 р., 3 мес.—3 р. 75 к. и 1 мес.—1 р. 40 к. ЗА ГРАНИЦУ—„ОГОНЕК“ без приложений: 10 мес.—2 д. 85 ц., 6 мес.—1 д. 75 ц., 3 мес.—90 ц. и 1 мес.—30 ц. „ОГОНЕК“ с приложением Библиотеки „Огонек“: 10 мес.—8 д., 6 мес.—4 д. 60 ц., 3 мес.—2 д. 40 ц. и 1 мес.—90 ц. Отдельный номер „Огонька“—8 ц.

Главлит № А.7.630. Офсет-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сretenка, Последний пер., д. 26. Тираж 425.000.

УЧИТЕСЬ

БЕРЕЧЬ и ВОСПИТЫВАТЬ
ДЕТЕЙ

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
СОСТОЯЩАЯ ИЗ НИЖЕСЛЕДУЮЩИХ
КНИГ И БРОШЮР:

- 1) МАЙЗЕЛЬ — Как уберечь маленького ребенка от болезней.
 - 2) ШАБАХ — Как воспитывать детей от 3 до 8 лет.
 - 3) ЕГО ЖЕ — Учитесь, как говорить с ребенком.
 - 4) ГЕШЕЛИН — Дайте здравую пищу ребенку.
 - 5) ГРИН — Охраняйте сон ребенка.
 - 6) ИОГАНСОН — Почему ребенок становится суевверным.
 - 7) КРАСНОГОРСКИЙ — Какое значение имеет для ребенка пример окружающих.
 - 8) КУЛИШЕР — Почему нельзя наказывать детей.
 - 9) КЛЕЙН — Что должна знать каждая мать об уходе за ребенком.
 - 10) СТЕНИХОЛЛ — Очерки по изучению ребенка.
 - 11) КАСПАРОВА — Руководство для первоначального знакомства с музыкой (12 детских песенок).
 - 12) ГЕРА — Игры для детей всех возрастов.
 - 13) ОТТО РЮЛЕ — Воспитание ребенка.
 - 14) КУСОВ — Детские заразные болезни.
 - 15) КОРЧАН — Как любить детей.
 - 16) КИСЕЛЕВА — Детская кухня.
- Цена всей библиотеки 8 р. (без пересылки). Цена первых 12 книг 5 р. 10 к. без перес. Высыл. немедл. налож. платежом. Издательство Мосгубшефоветта — Москва, Центр. Никольская 12. Отд. А.

МЕХАНИКИ, ШОФЕРЫ, ИНЖЕНЕРЫ, ТРАКТОРИСТЫ, ХОЗЯЙСТВЕННИКИ И ДР., ЕСЛИ ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ АВТОМОБИЛЯМИ И ДОРОГАМИ, ПРИШЛИТЕ СВОЙ АДРЕС В ЖУРНАЛ „ЗА РУЛЕМ“

Орган Всесоюз. О-ва „Автодор“
Москва 6, Страстная бульв. 11.
Контора Журнала „За Рулем“.

фотографам, писчебумаж. и книжным магазинам!

ПРОИЗВОДСТВО РАМ из кол-ва № 32 ПЕРЕВЕДЕНО в кол-во № 14 переплетчиков „Москоолентивов“
Отд. Труды Моссовета — Москва, Таганка, Товарищеск. пер., д. 4.
Адрес для телегр.: МОСКВА — МОСКОЛЕНТИВОВ.

РАМЫ для фотографий и портретов всех размеров и цветов — настольн. и настенн. Исполнение аккуратное. Цены и качество вне конкуренции.

СЧЕТНЫЕ ЛИНЕЙКИ

Усовершенствованный тип с пружинным корпусом, образца „ФА-БЕР“, с целлулоид. шкалами. № 6. Техническ., 25 см. — 8 р. 50 к. № 7. Коммерческ., 25 см. — 8 р. 50 к. № 8. Карманная, тех., 12 1/2 см. — 4 р. 50 к. Все линейки в прочных и красив. футлярах. ПОДРОБНОЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО к пользованию счетн. лин. всех систем 60 к. (с перес. 85 к.). Заказы выполняются налож. платежом при получении задатка 25%. Пересылка каждой линейки 60 к. Ленинград, „АРХИМЕДЕС“, Вилениский 5-12.

У СЕБЯ ДОМА

каждый может легко приготовить ПРЕВОСХОДНЫЙ НЕФИР из кефирных лепешек провизора, И. И. Александрова, разрешенных Наркомздравом. Р. С. Ф. С. Р. ЛЕНИНГРАД, Салерный, 5, кв. 9. тел. 5-40-92 Пров. Я. И. Алениндрову.

любую книгу

как старую, так и новую высылает наложенным платежом в 8-дневн. срок. Заказы и деньги адресовать: Москва, Центр. Политехническ. музей, п. 116/0. „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО „АВТОДОР“

Ежемесячн. обществ.-науч.-техн. журнал „ЗА РУЛЕМ“ и науч.-техн. иллюстриров. журнал

Журнал посвящен вопросам автомобилизации СССР, дорожному строительству, мотоцикллетному, велосипедному и водомоторному спорту, уходу за транспортом, автомобильному туризму, новостям заграничной автомобильной и дорожной техники и пр.

№ 1 выходит в апреле. Подписка: до конца года — 2 р. 50 к., 6 мес. — 1 р. 70 к., 3 мес. — 85 к. Цена отд. № — 30 к.

Редакция и К-ра: Москва 6, Страстная б., 11. Анц. Ид. О-во „ОГОНЕК“.

С уценкой в 70%

продаются искл. интер. компл. книг:

- I. Библиотечка переводной и ч. русск. беллетристики: 10 кн., вместо 11 р. 35 к. — 3 р. 90 к.
- II. Библиот. „СПОРТА“: 7 кн., вместо 6 р. 45 к. — 1 р. 90 к.
- III. Библ. Научно-экономическ. (Труды проф. Лондона, Кржановского, Борхардта, Зомбарта, Платонова, Н. Морозова, Грекова, Введенского, Бухера, Брентано, Федорова, Святловского, Плотинова и др.) 18 кн., вместо 26 р. 45 к. — 8 р. 80 к.

Заказы с задатками (не менее 25%, можно почт. марк.) адресовать: СЕНИНГРАД, пр. 25 Октября № 6 Торгсектор Центр. Типогр. НКВМ

ВОПРОСЫ БРАКА

Проф. А. Нейсвер, проф. П. Фюрбингер, М. Грубер, Б. Косман и А. Молль.

Содержание: 1) Гигиеническое значение брака. 2) Гигиена брака. 3) Менструация, беременность, родильн. и лактацион. период и их отношение к браку. 4) Полов. патология и брак. 5) Триппер и брак. Цена с пересылкой 2 руб. высылает Книжн. Дело „БУКИНЕРИ“.

Москва, Китайгор. ст., п. № 7. ДЛЯ ПИСЕМ: Москва, почт. ящ. № 867/0.

АЛЬБОМ РИСУНКОВ для выпиливания

художн. А. А. Таранюкова из дерева, изд. 1928 г. 30 листов большого формата (67х41 см.). Цена с пересылкой 3 р. 50 к. высыл. нал. платеж. Книжн. Дело „БУКИНЕРИ“.

Москва, Китайгор. ст., п. № 7. для пис: Москва, почт. ящ. 867/0.

НОВАЯ КНИГА ОПЛАТА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Действующее законодательство.

I. Постановления ЦИК и СНК СССР. II. Извлечения из гражд. кодекса РСФСР. III. Декреты ВЦИК и СНК РСФСР. IV. Постановления, инструкции, циркуляры и разъяснен. Народных Комиссариатов РСФСР. V. Местные постановления Московск. и Ленинградск. губ. VI. Судебная практика Верховсуда и Мосгубсуда и др. С приложением полкового алфавитно-справочного указателя. Н. И. БРОНШТЕЙН. II. 2 р. 25 к.

Иногор. высыл. налож. платежом. Кооперативное Изд-во „ПРАВО И ЖИЗНЬ“, Москва 34, ул. Кропоткина 17/1.

ОХОТА СПУТНИК ТРУДОВОГО ОХОТНИКА

„Справочник и руководство для охотников“, 813 стр. с рис. под ред. Соловьева, ц. 1 р. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ охотничьих и промысловых, составил Бобровский Н. с рис. — 1 р. 50 к.

РЫБОЛОВСТВО

во всех видах спортивной рыбной ловли, с рис., сост. Рождественский, ц. 1 руб. 85 коп. Сабанев

РЫБЫ РОССИИ

жизнь и ловля с прилож. Рыболовн. календаря, 1061 стр., 492 рис. — 5 р.

РЫБЫ ПРЕСНЫХ ВОД РОССИИ

535 стр., 359 рис. Берг. 2 руб. ОПЫТНЫЙ РЫБОЛОВ-ЛЮБИТЕЛЬ рыбная ловля самодельн. снастями, с рис., ц. 1 р. АКВАРИУМ ЛЮБИТЕЛЯ 764 стр., 327 рис. сост. Золотницкий, цена 5 руб. ГОЛУБЕВОДСТВО (всех пород) 212 стр., 117 рис., Юргенсон, ц. 2 р. Цены без пересылки, а также ЛЮБУЮ КНИГУ по всем вопросам, как старую, так и новую, высылает наложенным платежом без задатка Книжн. Магазины С. С. РОМАНОВА. МОСКВА центр, Моховая, 22/0.

НОВИНКИ!!!

СЕБЯ КНЕЙП. Мое поколение, с испробован в течение 40 лет, перевод с 103 нем. изд. 1 р. 25 к., с перес. 1 р. 50 к.

ЛЕВЕНФЕЛЬД. Гипноз и его техника, с пред. проф. Платонова 2 р., с перес. 2 р. 40 к.

ЯКОБСОН. Половая холодность женщин. 2-е изд. с 23 рис., ц. 2 р. 25 к., с перес. 2 р. 60 к.

РУДНИЦКИЙ, д-р. Лечен. сонным, ц. 1 р., с перес. 1 р. 30 к. Требования и деньги адресов.: Ленинград, пр. Володарск. д. 55/0. Книжн. „Техника и медицина“ маг.

КНИГА МАТЕРИ

(Как вырастить здорового и крепкого ребенка и сохранить свое здоровье), с многими рисунками альбомного размера, под редакц. Лебедевой и проф. Сперанского, ц. 2 р. 50 к.

ДЕТСКАЯ КУХНЯ

(Приготовление пищи для детей от 6 мес. до 3 лет, 252 рецептов). 3-е дополн. изд. В. Киселева, ц. 60 к.

УХОД ЗА ЗДОРОВЬЕМ И КРАСОТОЙ

(Индивидуальная гигиена женщины), д-р В. Дембюко, 149 стр., ц. 1 р. 50 к.

Физическое укрепление и закалывание женщины

Д-р Королев. (Гимнастика для женщин), 57 рис., ц. 1 р. 30 к.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЖЕНЩИНЫ

Проф. Немжоло, 3-е дополн. изд., ц. 1 руб.

Высылает наложенным платежом (можно почт. марками). Книжн. „Труд“ МОСКВА-центр, Моховая, 15/12.

ЖЮЛЬ-ВЕРН и Фенимор КУПЕР

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

В художествен. тисненых золотом и красками переплетах

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Жюль-Верн. — 20.000 лье под водой, ром., 340 стр. 2 р. 75 к.
Его же. — Приключения капит. Гаттераса, ром., 280 стр. 2 р. 30
Его же. — Робур-завоеватель, ром., 316 стр. 2 р. 55
Его же. — Тайственный остров, ром. 456 стр. 3 р. 60
Его же. — Дети капитана Гранта, ром. 446 стр. 3 р. 20
Ф. Купер. — Шайов, ром., 224 стр. 1 р. 90
Его же. — Пенител моря, ром., 272 стр. 2 р. 15
Его же. — Зверобой, ром., 232 стр. 1 р. 95
Его же. — Следопыт, ром., 288 стр. 2 р. 25
Его же. — Последний из Могикан, ром., 261 стр. 2 р. 15
Его же. — Прерия, ром., 268 стр. 2 р. 05
Его же. — У истоков Соскеганни, ром. 236 стр. 2 р. 05

Книги без переплета стоят на 55 коп за экз. дешевле. Книги высылаются по получении задатка, в размере 1/5 стоимости. На остальную сумму делается наложенный платеж.

Все дальнейшие томы, по желанию заказчиков, могут доставляться по мере выхода в свет наложенным платежом.

ЗАКАЗЫ и ДЕНГИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: Анц. Изд. Об-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“, Москва, Ильинка, 15. При уплате денег вперед, пересылка за счет Изд-ва.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

всех ремесел в одной книге: плотн., столари, токарн., бочарн., перепл., кузнечи, слесари, палине, лужение, никелиров., оцин., мылов., деревенные, крахмал., зеркала, обуви., гончари., печи., маляри., штукатурн. изготовл. радиоприемников. 148 рис. Цена с пересылкой 3 р. 50 к. Можно послать мелкими почтов. марками

Книжн. склад „КНИГОВЕД“ Москва, 19 ул. Герцена 22/5.

ХОРОШУЮ ДЕТСКУЮ КНИЖКУ

детскую и школьную библиотечку на разные цены и любую

КНИГУ

высылает наложенным платежом магазин МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ МОСКВА, Арбат. 4.

ГРЕЧЕСКИЙ КРЕМ „ТАНАИС“

Придает лицу идеальную свежесть и близны. УНИТОЖАЕТ: угри, веснуш., желтые пятна и прыщи. ЦЕНА БАНКИ 2 р. 64 коп.

Адрес: гор. Азов, Дон. ок. Г. Мулатову.

Настоящий крепкий КДЕН-МАКЕДОН

Уничтожает упорные недостатки кожи угри, веснуш., желтые пятна и прыщи. ЦЕНА БАНКИ 2 р. 64 коп.

Адрес: гор. Азов, Дон. ок. Г. Мулатову.

Крысин и Мышиный Мор

то хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выписать новую книгу: „Ораторское искусство“. Сприложением: „Искусство спорить и оспаривать“. Составл. по сочин. проф. З. Гейслера. З. Фрейда, Р. Герлянга и др. Высыл. по получении 1 р. 20 к. или налож. плат. на 1 р. 35 к. Адрес: Пенза, александринск. ящ. № 30 (тридцатый), издатель Г. Д. Давыдову.

МАЛУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ по международному профдвижению

с предислов. А. Лозовского, в роскошн. перепл., свыше 200 иллюстр., цена 6 р. 75 к., в картонном футляре, а также и ЛЮБУЮ КНИГУ по всем отраслям знания высылает налож. платежом в 8-дневн. срок. Отд. Почт. Отпр. КН. МАГАЗИНА ВДПС. Москва, Кузнецкий мост, 20.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую распроданн. по технике, медицине, сел.-хоз. и др. вопросам высылает немедленно нал. пл. Книжн. маг. „НАУКА И ЖИЗНЬ“ Москва 19, Воздвиженка, 4/0. (Фирма сущ. с 1905 г.).

Рамки разных размеров

Багеты всех фабрик СССР. Гравюры 62х50 см. 10 шт. 2 р. Картины масл. краск. в зол. рамк. 16х12, ц. 8 р. 8х16, ц. 6 р. Открытки в красках, Третьяковск. галлерея. 100 шт. 7 руб. Пейзажи охотн. и цветы, 100 шт. 6 руб.

Задаток 25% стоимости заказа МОСКВА, Сухарецкий рынок Пал. 1485/6. И. М. ТЮРИН. Требуется прейскурант.

НЕОБХОДИМЫЕ КНИГИ

Рудь. Кондитер. Руковод. к изготовлению всевозможных кондитерск. изделий 2 р. 50 к., с перес. 3 р.

ТАРАНАНОВ. Новый альбом рисунков для выпиливания из дерева, около 250 деталей 3 р., с перес. 3 р. 50 к.

Е. Г. УВАРОВА. Спутник домашн. хозяйки. 100 к. кулинарных рецептов, изд. 1928 г. Цена в перепл. 3 р. 50 к. с перес. 4 р.

БРОДЕРСЕН. Самоучитель фотографии 4 ч. 2 р. 50 к., с перес. 3 р.

ГОРЧАКОВ. Рыболов-любитель. Цена 1 р., с пересылкой 1 р. 30 к.

ШВЕЦОВА. Кройка и шитье одежды. Цена 40 к., с пересылк. 65 коп.

И. ВАЙСБЛЮМ. Полный иллюстрир. словарь швейц. слов с 212 рис. изд. 1926 г. в м. 3 р. 75 к. за 2 р. 50 к.

Требуем. и деньги адрес: Ленинград. Пр. Володарон., д. 55/0. Книжн. маг. „Техника и медицина“.

В этом №-ром по 1-му абонементу подписчикам рассылается книга 6-я Полного Собрания Льва Толстого. По 2-му абонементу — книжки Библиотеки „ОГОНЕК“: С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — „Живая вода“, Р. ПРЕСБЕР — „Красный Осен“, По 3-му абонем. — 6-я кн. Л. Н. Толстого и 2 кн. Библиотеки „ОГОНЕК“: С. Н. Сергеев-Ценский и Р. Пресбер.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ (ГОССТРАХ)

страхование — лучший способ самопомощи

Страхование жизни дает застрахованному:
а) сбережение на старость и б) обеспечение
семьи на случай его преждевременной смерти.

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЗАСТРАХОВАННОГО — страховая сумма выплачивается НЕМЕДЛЕННО.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

Страховая сумма, срок страхования и страховые взносы установлены одинаковые, при любом возрасте от 18 до 55 лет.

Страховой взнос по каждому полису составляет 5 р. в год, или 2 р. 50 к. за полугодие, выплачиваемые в течение 20 лет.

По истечении 20 лет выплачивается страховая сумма в 150 рублей.

В случае преждевременной смерти застрахованного немедленно выплачивается страховая сумма в 75 рублей.

Крестьянские страхования заключаются без медицинского освидетельствования.

Ответственность за военный риск по крестьянским страхованиям Госстрах несет без дополнительных взносов.

Крестьянские страхования заключ. упрощен. способом, с немедлен. выдачей полисов всеми агентами Госстрах в городах, селах и деревнях.

Крестьянское страхование могут заключать граждане всех слоев населения, но не более, чем по четырем полисам.

Справки и проспекты БЕСПЛАТНО.

Страхование принимается во всех местных конторах и агентствах Госстрах и в Трудсбернассах.

Адрес правления Росгосстраха: Москва, Ильинка, 14.

КАК ЖИТЬ, ЧТОБЫ ЗДОРОВЫМ БЫТЬ

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА,
СОСТОЯЩАЯ ИЗ НИЖЕСЛЕДУЮЩИХ КНИГ,
НЕОБХОДИМЫХ КАЖДОМУ:

Яблоновский — Солнце, воздух и вода.
Васильевский — К здоровому половому быту.
Заварзин — Как питается наше тело.
Мюллер — Пять минут в день (46 рис., 4 табл.)
Вичиневский — Прикладная гимнастика.
Смалкин — Легко-атлетический спорт. 2 части.
Бархаш — Спутник туриста.
Жемчужный — Водный спорт.
Матушевский — Городки и лапта.
Его же — Возлейбол.
Арцышевский — Боко.
Бархаш — Лыжи в городе.
Леропанников — Дешевое устройство солнечной площадки.
Бархаш — Игры и развлечения.
Цена библиотечки 6 р. 40 к. без пересылки.
ВЫСЫЛАЕТ немедленно наложенн. платж. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ МОСГУБШЕФСОВЕТА
Москва-центр, Никольская, 12. Отд. А.

ТРЕБУЙТЕ ПОЛНЫЙ НАЛОГОВЫЙ СПРАВОЧНИК

для кооперативных организаций, всех налогоплательщиков, финработников, юристов, учреждений, домоуправл. и пр.
Цена в роскош. перепл. с мармалом для бумаг, карандаша и резинки 2 р.

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ СЧЕТЧИК

2-е издание. Цена 60 коп. Составил Н. Н. Виноградов
Первое издание разошлось в 7 дней.

Склад издания: Москва, Кузнецкий Мост, пассаж МУНИ (б. Солод. пом. № 2. ИЗДАТЕЛЬСТВО МОДФИНОТДЕЛА.

ПОЛНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

иностранных слов.

НЕОБХОДИМ при чтении, литературных и научных занятиях. Около 12.000 слов, с 212 рис. Цена с пересылкой в пер. 3 р. 75 к., без пер. 3 руб.

ВЫСЫЛАЕТ

Книжный магазин МОСКВА, Мохов. ул., д. 29/0 наложенным платежом при задатке в 25 проц. из стоимости (можно почт. марк.).

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ИМЕТЬ ВЕРНЫЙ

ЗАРАБОТОК,

требуйте новую книгу:

Г. Г. БРОДЕРСЕН.

„Производственная технико-химическая рецептура“.

Составл. по новейшим проверенным иностранным данным. Около 2000 всевозможных рецептов и практич. советов по всем видам производства с прилож. алфав. указателя. 450 стр. уборист. шрифта. Цена сборника 3 р., с перес. 3 р. 50 к.

Требования и девять адресов: Ленинград, Пр. Володарского, д. 55/0. Книжн. магазин „ТЕХНИКА И МЕДИЦИНА“

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ „ПОЛИГЛОТ“

Ростов и Дону, (сущ. с 1917 г.), сост. в вед. С.-К. КрайОНО. ПРЕДМЕТЫ: бухг. (общ., фабр.-зав., банковск.), копирует „Дефинитив“, ком. выч., корресп., делопроизв., стеногр., копир. черка, маш.-строит. и архит. черт. рисован. Требуйте БЕСПЛАТНО проспект и условия. Плата от 1 до 3 р. в месяц. На курс. обуч. ЗАЧНО свыше 23.000 учащих-ся.

В МАРТЕ с. г. ВЫХОДИТ НОВАЯ КНИГА ОБРАЗЦЫ И ФОРМЫ ДЕЛОВЫХ БУМАГ

ПОЛНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО для составления всех видов договоров, обязательств, иско-вых и др. заявлений по граждан-ским делам, жалоб и заявлений по уголовным и административ-ным делам, деловых бумаг по семейным, брачным, опеку-ским, жилищным, земельным, трудовым, торгово-промышлен-ным, налоговым и многим дру-гим делам, а также по делам всех видов кооперации. С приложением большого количе-ства справочных сведений, указа-теля судебных сроков и краткого изложения всех законов. Необходимое пособие для хозяй-ственников, администраторов, юри-стов, юристических консультаций и ин. др. Составил С. А. Алфеевский, под редакц. профессора А. М. Винавера. Цена книги (758 страниц) в пере-плет по предварительной подли-ске — 6 руб. По выходе цена будет повы-шена до 7 р. 50 к. Кооперативное издат-во „ПРАВО И ЖИЗНЬ“, МОСКВА 34, Ул. Кропоткина 17/1.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА

По Е. Молоховцев.

450 различных блюд (мясных и вегетарианских). Завтраки, обе-ды, ужины, настойки, печенье соевые. Цена 1 руб. Заказы выполняются наложен. платежом. Адрес: МОСКВА, По-литехнический Музей, пом. 123/0 Госуд. Н-ра „ТРАНСРЕКЛАМА“ (Книжный Отдел).

НОВАЯ КНИГА САМОУЧИТЕЛЬ

кройки мужского платья с 73 рисунками и чертежами. Цена 1 руб. 80 коп., с пер. 2 руб. МОСКВА, ул. Герцена 22/25. Книжный склад „КНИГОВЕД“

УКРАИНСКИЙ ОРГАНО-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Наркомздрава УССР и Харьковского Медицинского Общества доводит до сведения врачей, лечущих и больных, что розничная продажа вырабатываемых Институтом препаратов:

СПЕРМОЛЬ (вытяжка из семен-ных желез) оварин, маммин, тиреоидин, (жидк. и ампул.) про-статин жидк. и др.;

ГЕМАТОГЕН жидкий и таблетки;

ФОСФРЕН таблетки;

АНТИТИРЕОИДИН таблетки—

производятся только в аптеках магазинах Санитарии и Гигиены Харькова и других городов СССР.

Оптовая продажа со склада Института:

ХАРЬКОВ, Рымарская № 28, тел. № 17.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37,
Тел. 3 04-44

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ
ВСЕ для СПОРТА
для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИ-
НАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ,
ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч.

Палатки рабоч., санитарн., лесные
и пионерские.
Полный натап. выс. за 8-ноп. жарну.

УВЕЛИЧЕН. ПОРТРЕТ

Художеств. выполнен. в паспорту
МОЖЕТ КАЖДЫЙ ПРИСЛАВ
ПОЛУЧИТЬ ЛЮБУЮ
ФОТОГРАФИЧЕС. КАРТОЧКУ.

Ц Е Н Ы:

18 × 24 см. — 6 р. 30 к.
24 × 30 см. — 8 р. 20 к.
30 × 40 см. — 12 р. 05 к.
40 × 50 см. — 14 р. 75 к.
50 × 60 см. — 24 р. 85 к.

ПОРТРЕТ высылается по полу-
чению карточки через 2 недели
наложенным платежом
(без задатка).

Заказы направлять:
Москва, Поч. ящик 875.
— или —
Пльинка, Ипатьевский пер. 6
(ФОТО-ОТДЕЛ).
ПРОМ. КООПЕР. КИНО
Т-ву „КУЛЬТКИНО“
Фотография возвращается
в сохранности.

МИЛЛИОНЫ
людей покупают
АРОМАТИЧЕСКИЕ ПЕПЕШКИ
„РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального пригото-
вления разных напитков,
настоек, коньяка и ликеров
прекрасного качества, вкуса
и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка
Главный склад П. ЗАЛИН.
Ленинград, Колокольная 18.

По первому требованию высы-
лаем ассортимент в количе-
стве не менее 10 коробок на-
ложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.